

Шопперт Андрей

**Уродина. Книга первая.
Возвращение блудного Брехта**

Уродина

Андрей Шопперт

**Уродина. Книга первая.
Возвращение блудного Брехта**

«Автор»

2025

Шопперт А. Г.

Уродина. Книга первая. Возвращение блудного Брехта /
А. Г. Шопперт — «Автор», 2025 — (Уродина)

Надоело Брехту в Раю. Скучно там. Ни тебе гурий, ни подраться с кем. Да ещё ангелы жить мешают, беседы беседуют, жизни учат. Попросился на Землю. И был послан... И попал. Вот попал так попал.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Андрей Шопперт

Уродина. Книга первая.

Возвращение блудного Брехта

Глава 1

Событие первое

Архангел – в христианском вероучении одна из высших категорий (чинов) ангелов. В системе ангельской иерархии Псевдо-Дионисия Ареопагита это восьмой из девяти чинов ангельских. В канонических книгах Библии архангелом непосредственно назван только лишь Михаил (Иуд. 1:9), но, согласно традициям Церкви, архангелов восемь. В Православной церкви встречается упоминание о восьми архангелах: Михаиле, Гаврииле, Рафаиле, Урииле, Салафииле, Иегудииле, Варахииле и Иеремииле.

– Ты чего это, сучонок, творишь? – дедок свёл лохматые брови на переносице.

Вообще, субъект, сидящий напротив, был колоритный. Если, к примеру, взять настоящего такого русского Деда Мороза из кинофильма какого и снять с него красную шубу, потом обойти по кругу, покачать головой, и шапку красную с белым мехом тоже снять. А интересно, у какого животного мех белый? Заяц, должно быть? То есть, дед Мазай зайцев спасает в поте лица, а дед Мороз истребляет и долгими летними вечерами шкуры потом выделывает и шьёт себе шубу... С шапкой. Ага, ещё одну часть одежды нужно снять со святого Николая. У него и варежки красные с белой заячьей оторочкой. Блин сколько бедных зайчат перевел дедушка на свою одежду.

С товарища, что напротив сидел, рукавички красно-заячьи тоже сняли. Опять по кругу походили. Хрень получается. Бородатый дедок в красных штанах, рубахе, с вышивкой по вороту, навроде как косоворотка, но ворот прямой. Как уж там фасон этот называется? Срачица? В смысле – сорочка. Пусть будет в сорочке. И валенки белые на ногах. Ну, хрень.

Валенки тоже стащили с дедка и вместо них сланцы из ротанга какого нахлобучили. Красота? Да нет, всё одно – хрень. Не гармонируют штаны красные со шлёпанцами. Тогда и штаны сняли. Срачица оказалась длинной. До колен почти. Она чуть замята спереди, видно, что из штанов вынули.

Что получается? Из одежды на деде только срачица и шлёпанцы. А борода и брови, как у настоящего Деда Мороза. Интересный видок получается. И ещё сдвинутые косматые брови и рассерженный вид с помятой сорочкой, у которой ворот золотыми оливковыми ветвями вышит, ну совсем не сочетаются.

Спросил дед, другими словами. Смысл этот.

– Ты чего, чадо, творишь?

Брехт сидящего на скамье дедка знал. Это была уже их третья беседа. И все именно с этих слов начинались.

– Дал пару раз в морду. Так сказать, чтобы святой этот обликом своим прозвищу соответствовал. Он же «Кровавый».

– Он – причислен к лику святых новомучеников и исповедников Российских, явленных и неявленных.

– Читал давно, что Николай Кровавый и все члены его семьи канонизированы Сербской православной церковью.

– Тебе-то, чадо, какое дело? – не стал вступать в спор архангел Игудиил, а именно этот индивид воплотился перед Брехтом, когда после избияния Николая II тот омыл руки в ручье на их с Суворовым полянке от крови и устало присел на скамью, довольный проделанной работой. Ох, и классно он этого святого отделал. Вся святая рожа бородастая одно сплошное кровавое месиво. Жаль, что мгновенно тут в раю всё заживает. Уже уходил, когда с места побоища Брехт, то святой этот Николай стоял целый и невредимый и с сочувствием и состраданием смотрел вслед Брехту. Ничего. В следующий раз при встрече не так отгребёт.

– Я за справедливость горой. Во-первых, он – мученик, вот и пусть мучается. А во-вторых, он – «Кровавый», вот и пусть ходит в крови. Оборзели вы тут, на его руках миллионы жизней, а он тут святого из себя корчит.

– Не суди, да не судим будешь. На твоих руках, чадо, сколько крови?

– На моих? – Брехт оглядел свои белые чуть пухлые от безделья и отсутствия упражнений с шашкой руки, – Я с врагами России – богом избранной страны боролся. Его детище защищал.

– И кто же тебе такую задачу поставил? Кто довёл волю Его до тебя?

Вот! Да!? Урыл.

– Чувствовал я.

– Чувствовал... В прошлый раз с Толстым подрался и непотребство над ним учинил...

– Да какое непотребство? Он же сам босиком по Руси пошёл, вот я сандалии с него и снял.

– Опять волю Его выполнял? – показалось Брехту, что искорка смеха брызнула из насупленных глаз архангела Иегудиила.

– Волю! – главное не признавать вины.

– А с Суворовым чего подрался? Славы не поделил?

– Так он первый начал. Спорили о тактике, а он мне бумс в ухо. Пришлось вразумлять. Мы же помирились потом. А где он, тут должен быть? – Брехт огляделся, ища спрятавшегося за кустами Александра Васильевича.

– Знаешь какая обязанность на меня Господом возложена? – отмахнулся рукой от Суворова Иегудиил.

– Говорил уже. Нормально у меня с памятью. Ты, святой отец, славитель Бога, укрепляющий трудящихся для славы Божией и ходатайствующий о воздаянии им за их подвиги и труды, споспешник и наставник в работе, заступник в пути, помощник нуждающимся в чем-либо ради славы Божией.

– И что получается, чадо? Ты избил – обидел душу, которую я защищать обязан. Что с тобой делать мне? Советам моим ты не внемлешь и в Геенну Огненную отправить тебя прав у меня нет. Что мне делать? – Хорошо хоть руки Дед Мороз не заламывает, уж больно театрально бы получилось.

– Отправь меня на Землю...

– Ого! Точно этого хочешь?! И в какое же время? В двадцать первый век, в двадцатый, в девятнадцатый? Не могу. Везде тела уничтожены. Не бережешь ты, чадо, тело, что тебе создатель вручил.

– Бог же всемогущ?

– Я не бог.

– Ну, в восемнадцатый, по порядку получается.

– В восемнадцатый?! – архангел опять брови косматые свёл, но не грозно – задумчиво.

Улыбка, когда брови встали на место, появившаяся на челе бородастым Иегудиила, Брехту не понравилась.

– Эй, эй, ты чего задумал?! – вскинулся он.

– В восемнадцатый. Быть по сему. Удачи.

Событие второе

Если бы деньги, минуя промежуточную стадию, сразу превращались в головную боль и пустые бутылки, никто бы и не пил...

Трещала голова. Не болела. Болит не так. Именно трещала. Как вот если взять доску, чуть надпилить её, и через колено. Хрясь! И доска с треском разваливается на две половинки. Вот так трещала. В мозгах что-то с треском ломалось, рвалось. Иван Яковлевич хотел глаза открыть и осмотреться, но в последний момент передумал. Сначала решил проверить содержимое рвущихся и трещащих мозгов. Проверил. А там голый Васер. Нет ничего кроме треска. Брехт запаниковал и решил было глаза открыть, чтобы хоть какую информацию получить, куда это его Иегудиил запулил. И опять передумал. Попытался про три предыдущие жизни вспомнить. Сквозь треск вспомнилась молодость в СССР, потом так же отчётливо жизнь в тридцатых годах. Катя – Куй. Как там она, успела ли сбежать в Америку? Как там Блюхер младший? Светлов? Эх, может надо было проситься в себя же, но за несколько часов до перестрелки. Отсиделся бы в лесу несколько дней, а там война и его восьмая армия обрушила бы левый фланг гитлеровцев. Если и были у кого планы его грохнуть, то такой успех их бы похоронил.

Ну, теперь уж чего. Отлично всплывали в памяти и приключения в теле князя Витгенштейна. Тоже можно было за несколько даже минут до гибели попроситься. Шальное ядро защитников Парижа такую классную карьеру прервало. Вполне мог стать императором. Откусить можно было у Пруссии и Франции немецкие земли и добавив север Италии создать замечательную империю.

Ладно, потерявши голову по волосам не плачут. Дал же архангел Иегудиил ему ещё один шанс и даже торговаться не стал, все прежние знания и умения в голове оставил. Осталось только выяснить в чьей он голове и почему эта голова трещит? Иван Яковлевич вновь попробовал через трещащую преграду пробиться к знаниям реципиента и опять не получилось.

– Твою налево! Кристалл! – Брехт открыл глаза и огляделся.

Он лежал в кровати. В перинах. Роскошные такие, до половины тело было в них погружено. Потолок над головой дощатый, побелен известью или мелом. Стены кирпичной кладки и тоже побелены. Только побелку давно не обновляли, и она местами вытерлась, открывая красно-чёрно-коричневый кирпич для осуждающих взглядов. Хотя таких мест было не очень и много, комната была метров пять на три и большую часть стен занимали гобелены. Старинные, толстые и пыльные. На них ещё просматривались какие-то сценки с рыцарями и барышнями полуголыми, но выгорели и выцвели краски прилично, так что разглядеть что либо, было сложно.

Брехт решил осмотр недвижимости пока прекратить и заняться движимостью. Потрогал голову большую. Цела вроде ни бинтов, ни шишек, ни шрамов. Волосы длинные и на ощупь сальные. Если голова цела, то может с похмелья колбасит? Пальцем одним Иван Яковлевич залез в рот и проверил зубы. Считать не стал, но на первый ощупь все на месте и даже не болят. С учётом того, что век, если архангел не обманул, восемнадцатый, то с зубными врачами тут не просто. Пётр вон был любитель зубы рвать, интересно, а вставлять он тоже пытался? А чего, взял молоток и забил гвоздик небольшой с фигурной шляпкой в десну. Вкручивают же в будущем на шуруп, чем гвоздь хуже. Если Пётр жив, то нужно ему предложить.

После зубов пальцы шаловливые переместились пониже, ощупали покрытый двухдневной щетиной подбородок. Ну, зря волновался. Не в женщину Иегудиил запулил его душу. Тогда чего хитро-ехидно улыбался? Пальцы прошлись по груди. Ничего кроме шёлковой рубахи. Длинной. Это самое она скрывала. Но там чего-то было. Это получается, он в ночнушке мужской спит. Так семнадцатый век. Все сейчас так спят. Ощупывать ниже живота новое тело Иван

Яковлевич не стал. И рубаха длинная мешала и чувство какое-то брезгливое. Вроде как чужого мужика за всякие места хватать стрёмно. Нужно сначала привыкнуть к новому телу. А вот живот потрогал, собрал жировую складку. Ссука! Складка приличная. Толстенький попался реципиент. Ничего, зарядки, пробежки, тренировки и прочие марш-броски пузико и разные другие излишества изведут. Что ещё? Точно. Главное забыл. Брехт потрогал бицепс у своего нового тела.

– Ешки – матрёшки! Корюшки – сапожки. Где, блин, мышцы? Ляски-масыськи! Это чего за кисель? – Брехт тяжело вздохнул и стал из объятий перины выгребать. И мышцы ему в этом совсем не помогли. Пришлось перевернуться на пузу и сползти ногами сначала на пол. Холодный! Потом встать на колени. Больно. И голова совсем на пополам разломилась. Даже пятна радужные перед глазами пошли. Иван Яковлевич сел на ноги и глаза прикрыл. На секунду мысль промелькнула в больной голове, что можно позвать кого на помощь.

– Ну, да. На каком языке и кого? Кристалл нужен, – Брехт отдышался и глаза вновь приоткрыл.

Свезло. В первый раз повезло. Синий кристалл уже рассыпался в голубые крупинки и все они горкой небольшой кучно лежали прямо перед ним.

Бабах. Дверь чуть не ногой отворили и на пороге показался мужик в кафтане коротком коричневом, высоких сапогах и с сивым кудрявым париком на голове.

– Guten Tag, Herr Büren. Ein Bote von der Herzogin von Anchen ist gerade angekommen!

– Чё?!

Событие третье

Любое варенье станет вкусным, если сделать из него самогон.

Я понял, что такое живая и мертвая вода... Мертвая вода – это вчерашний дедов самогон, а живая – это сегодняшний дедов рассол.

Шампанское и дамы – это вам не самогон и бабы!

Голова соображала... Она ворочала колёсиками и прочими шестерёнками плохо смазанными, и они скрипели, пробуксовывали и болели. Потому процесс шёл не быстро. Язык был немецким, и Брехт его знал. Даже два с половиной немецких знал. Один – это литературный. Учил же и в школе, и в институте и потом ещё. На четвёрку, в общем, знал. Второй достался от Штелле, который присвоил себе фамилию Брехт. Это был язык выходца из Эльзаса восемнадцатого века и настолько отличался от литературного, что использовать его почти невозможно было. Третий, который довольно сильно похож на эльзасский, был баварский. Он же рулил Баварией, вот и занимался с преподавателем языком, да ещё и глубокое погружение в среду. Только всё это длилось не сильно долго и освоил тоже на четвёрку.

Это был совсем другой немецкий. Он отличался от остальных, как болгарский, скажем, от русского. Так, знакомые слова проскальзывали. И он был странным. Словно латыш какой выучил хреново немецкий. Гласные растягивались, и говорил при этом мужик в парике ещё и медленно, словно подбирал слова. Может, для него этот немецкий тоже не родной.

Однако Иван Яковлевич понял, хоть и с трудом, что ему сказал вошедший. Он, оказывается – хер Бюрен и какая-то герцогиня Анхен прислала гонца. И чего? Мужик продолжение своего рассказа забыл, наверное. Стоял и пучил глаза в угол.

Мать – перемать. Надо выгнать товарища и проглотить голубой порошок, а то влипнешь тут в какую непонятку, решил, наконец, Брехт. Ещё бы знать «КАК»?

– Шнапс. – Иван Яковлевич, щёлкнул пальцем по горлу. Побриться нужно.

– Вас?

– Ein Glas! Шнель! – Брехт старался говорить неразборчиво и медленно одновременно и схватился ещё руками за голову, показывая, как ему хреново.

Коричневый мужик покачал головой из стороны в сторону, то ли хотел сказать, что не будет тебе, хер Бюрен, водки, то ли осуждая приём стакана шнапса со сранья, не почистив даже зубы. Ай-я-яй!

– Айн глааас шнааапс. – Хер Бюрен снова себя за голову схватил.

– Das ist nicht gut! – возопил товарищ в парике и выскочил за дверь, со всей силы ею хлопнув.

– СССССука!

От образовавшегося порыва ветра голубые кристаллы смело под кровать. Опять, как и в прошлый раз, потеряются. Хорошо хоть лужи с блевотиной нет.

Привычными движениями Брехт стал щепотью собирать кристаллики и в рот засовывать. Хотел даже, как в тамбуре вагона нагнуться и слизывать их прямо с пола, но одно открытие его от этого действия отвратило. Открыл Иван Яковлевич трупик таракана, что находился под основной массой не просыпавшихся под кровать голубых крупинок. Нет, он не так чтобы уж совсем брезгливый человек и яблоко с земли поднимет и съест. Но... лизать тараканы трупики – это перебор. Потому дело продвигалось медленно. Брехт еле успел разделаться с теми кристалликами, что не занесло под кровать, когда за дверью затопали сапоги и давешний мужик в кафтане и парике, пинком открыв дверь, вломился в комнату. В руках он держал поднос. Настоящий. Чуть ли не Жостово. Правда, из дерева, но цветочками расписанный. На подносе стояла керамическая коричневая чашка. Блин. Может тут и нет стаканов-то? Брехт мысленно выругался. Всё же восемнадцатый век и со стеклом должно быть не всё просто. Дорогое удовольствие?

Пришлось встать с колен. Кристаллики голубые ещё только начинали работать и мысли в голове путались, а ещё она болела. Прямо бооооооооо! Хер Бюрен приземлил довольно пухлый зад на перину и протянул руку. Тряслась. Не так чтобы ходуном ходила, но тряслась. Вот же Иегудиил сволочь подсунул жирное тело какого-то алкоголика с трясущимися руками.

Иван Яковлевич под осуждающим взглядом мужика в кафтане коричневом снял с подноса коричневую же чашку и глянул в неё. Там была непонятного цвета жидкость. Не белого, но мутного. Брага что ли? Брехт мысленно перекрестился. Побоялся ошибиться. Чёрт его знает, православный он или лютеранин, а может вообще католик. Ещё не с той стороны начнет крестное знамение делать. Выдохнул и опрокинул в себя это пойло.

Шнапс, самогон или ещё какая-нибудь гадость обожгла горло, то есть градусов было прилично. И тёплым комком провалилась в желудок. И сразу тепло это хлынуло по всему телу. Через несколько секунд и до головы добралась волна. Смыла головную боль и мозги промыла. А тут и первые кристаллики подействовали.

Бюрен?! Да ничего подобного он...

Ну, спасибо тебе, Иегудиил. Удружил, гад бородатый.

Глава 2

Интерлюдия первая

Монархия монархии рознь. Есть наследуемая монархия, а есть выборная. Когда некий и сам выборный, или какой другой, круг людей выбирает себе монарха. И самый яркий пример этому, конечно, Польша, где сейм выбирает монарха столетиями. Ну, выбирал, понятно. Только Польша – это не единственная страна с такой системой правления. Просто она поблизости и выборы короля там сопровождаются почти всегда эксцессами, и потому нам она больше остальных стран известна.

И эта болезнь заразна. Взять южного соседа Польши – Священную Римскую империю немецкой нации, где император избирался семью курфюрстами. И в северном соседке Речи Посполитой – Швеции неоднократно короля выбирали. Заразили поляки и Московию. Россию. Тут следует сказать, что в Польше к выборной системе перешли не с бухты-барухты, а потому что династия Ягеллонов прервалась. Пришлось ляхам поскрипеть мозгами над тем, кто станет преемником. В 1574 году впервые в стране были проведены выборы, на которых победила кандидатура французского принца Генриха из династии Валуа.

Почти в то же самое время, всего на десятилетие позже зараза эта перекинулась и на Россию. Умер Иван Грозный. Оставил, как и положено, завещание. Маленький нюанс. В завещании всё передаётся Ивану. Задача? То ли убил сына, то ли всё врут календари, но Ивана нет. С этого и начались выборы царя в стране. Собрали Земский собор и выбрали единственного живого сына Ивана – Фёдора. Фёдор был челок болезненный и помер детей и наследников не оставив. Династия прервалась. И в 1598 году история повторилась – пришлось созывать Земский собор, чтобы выбрать нового правителя. Не просто получилось и прения с вырыванием бород, и яростные споры, и интриги всякие, но победил в итоге царский шурин Борис Годунов.

И поехало. Там кого только не навигирали, даже польского королевича Владислава. В конце концов на троне оказался Михаил Романов. Тут стоит заметить, что прав на престол у него было почти столько же, что и у Годунова. Царь Фёдор был женат на сестре Годунова Ирине, а Патриарх Филарет – отец Михаила Романова был племянником Анастасии – жены Ивана Грозного. И не просто жены, там их много было, а той, которая родила и Ивана, и Фёдора.

Итак, выбрали царём Михаила. И начались выборы ему жены. Там куча всяких интриг с отравлением и прочими ужасами. Но до тридцати лет царь был женихом видным, на самом деле бездетным вдовцом. При очередном «выборе» женился на служанке одной из невест – Евдокии Стрешневой. И как давай навёрстывать. За двенадцать лет Евдокия родила десять детей. Пулемёт прям. Почти все умерли во младенчестве. Из мужеска полу остался один Алексей.

Есть мнение, что смертность в царской семье столь велика из-за свинцового водопровода, что провели тогда в Кремле. Травились самодержцы свинцом. Как сейчас проверить, но скорее всего ерунда. Царевна Татьяна – младшая сестра Алексея Михайловича Тишайшего прожила семьдесят лет и её не убил свинец.

У царя Алексея, который прожил сорок семь лет, было две жены и шестнадцать детей. От первой Марии Милославской тринадцать. Тут и свинца не надо. Заездил женщину Тишайший. Вторая жена Наталья Нарышкина родила троих. В том числе и Петра.

Вернёмся к Милославской. Многие дети тоже умерли во младенчестве, в том числе два пацана Дмитрий и Алексей. Потом родился Фёдор, который немного побудет царём. Следом мальчик Симеон. И тоже умрёт рано. А вот следующим мальчиком будет Иван. И что интересно, опять все мальчики болезненные, а девочки вполне себе живут и до старости многие доживают.

После кончины Фёдора на престоле Российском оказываются сразу два царя – Иван и Пётр. Можно их появление вдвоём тоже выборами считать.

На внуке Петра I – Петре II – сыне царевича Алексея, которого не успели казнить, сам в темнице помер, наверное, мужская часть династии Романовых прервалась.

И снова выборы. Тайный совет выбрал Анну Ивановну – вдовствующую герцогиню Курляндскую – вторую дочь царя Ивана.

Девоч, из которых можно было выбирать было пять. Три дочери Ивана и две Петра. Позже о них. Не выбрали же. Чуть об Анне.

Царевна Софья нашла братику Ивану высокую и статную жену. Прасковью Салтыкову, да и отправила молодых в Измайлово, где построили вычурный деревянный дворец. Оставила молодых на природе размножаться. И не пошло. За пять лет больной и умственно и телесно Иван потомством не обзавёлся. А потом вдруг «господь смилостивился» и дети хлынули, как из рога изобилия. И все девки. 4 июня 1690 года царица Прасковья родила Феодосью, 29 октября 1691 года – Екатерину, 28 января 1693 года – Анну и, наконец, 24 сентября 1694 года – Прасковью. Злые языки поговаривали про сердечного друга царицы – немца-учителя Иоганна Христиана Дитриха (иногда Иоанн-Христофор-Дитрих) – старшего брата Андрея Остермана, а другие указывали на то необыкновенное влияние, которое при дворе вдовой Прасковьи Федоровны имел никому неизвестный своими ратными подвигами стольник Юшков.

Дела давно минувших дней. Есть одно «но», по запискам иностранных дипломатов у девочек разный цвет волос. Генетика. Каких только чудес не бывает.

Есть и вполне заслуживающее доверие событие. Под управлением Юшкова хозяйство в вотчинах царицы шло плохо. Уплаты велись неаккуратно, приказчики воровали, крестьяне досаждали царице жалобами. К своим сослуживцам Василий Алексеевич Юшков относился крайне грубо и пренебрежительно. Из-за этого у него постоянно происходили ссоры с другими подьячими царицы. Один из них, Василий Деревнин, пытался шантажировать Юшкова письмом к нему царицы, которое было написано шифром и якобы содержало важные тайны «государева дела». Там дальше долго всё тянулось с пытками и самого Деревнина и его родичей, а закончилось неожиданно. Дело дошло до Петра Великого. Письму царицы Прасковьи, скорее всего, заключавшему в себе только интимные подробности, касавшиеся отношений женщины к её фавориту, не было дано дальнейшего хода, и само оно из дела было изъято. Только хэппи энда не получилось. Следствие обнаружило много тёмных дел Юшкова, который из-за этого, несмотря на горячее заступничество царицы, был сослан в апреле 1723 года в Нижний Новгород.

Детство будущей Анны Иоанновны проходило в Измайлово. Это такой кусочек рая и старины в бурном море петровских преобразований. Ещё во времена царя Алексея Михайловича в Измайлово было разбито опытное дворцовое хозяйство. Яблоневые, грушевые и вишневые и даже абрикосовые сады, благоухающие весной и обильно плодоносящие летом, окружали берега двадцати прудов – Просяного, Лебедевского, Серебрянского, Пиявочного и прочих. В этих прудах водились огромные стерляди с золотыми кольцами в жабрах, которые, как замечал историк Семевский, были надеты ещё при царе Иване IV Васильевиче, и что эти рыбы привыкли выходить на кормежку по звуку серебряного колокольчика. Живут ли по полторы сотни лет стерляди? В оранжереях усадьбы росли тропические растения и заморские тюльпаны. Царь Алексей Михайлович разбил в усадьбе тутовый сад и плодоносящий виноградник. На полях вокруг Измайлова выращивали злаки, в том числе и из семян, привезенных из-за гра-

ницы, ещё был большой птичник и зверинец. Даже страусы были. Во дворце имелся придворный театр, в котором ставили пьесы, играл оркестр и, как пишет иностранный путешественник Иоганн Корб, побывавший в Измайлове в самом конце XVII века, нежные мелодии флейт и труб «соединялись с тихим шелестом ветра, который медленно стекал с вершин деревьев».

В раю прошло детство Анны Иоанновны. Именно она и стала последним выборным монархом России. Конечно, Елизавета, Екатерина II и Александр I уселись на трон не совсем законными методами, но это уже были дворцовые перевороты. Переворот и выборы – разные понятия.

Событие четвёртое

Никто не умирает добровольно. Нас всегда подталкивает к этому кто-то живой и кто-то мёртвый. Вот почему мы нуждаемся в мёртвых и храним их в ящиках.

Борис Виан – французский писатель

Воспоминания прежнего хера Бюрена навалились снежной лавиной на Ивана Яковлевича. Он даже плюхнулся назад на перину. Вот это попал!!! Ну, спасибо тебе, Иегудиил. Удружил, гад бородатый.

Брехт прикрыл глаза. Знакомое уже состояние. Словно с полок библиотеки срываются закрывающие их до этого шторы. Сначала сами полки появляются, словно светлее делается в комнате, потом постепенно становятся видны корешки книг, стоящие на них плотными рядами. Следом на корешках проступают надписи. И потом одна за одной эти книги раскрывают своё содержание. Голова опять загудела и затрещала от обилия обрушившихся на неё знаний. Длилось это примерно пару минут. А потом боль и треск отступили. И Иван Яковлевич стал обладателем большей части знаний реципиента. Там, под кроватью, осталось немного голубых кристаллов, но это уже не критично. Что-то из детства и юности. Главное он теперь знает, в том числе и этот, четвёртый для него, немецкий язык.

Он в Курляндии или в Курземии, или в герцогстве Курляндском и Семигальском. Курляндия – это, если дословно переводить, означает «Земля куршей». Курши – это народ, который потом в латышей превратился. Даже точнее можно сказать, он в старом Митавском дворце герцогов курляндских, и он управляющий леном герцогини Анны. А зовут реципиента Карл Эрнст Иоганн пока Бюрен. Через несколько дней в Реальной Истории этот товарищ себе фамилию сменит. Станет называться Бироном. Тщеславие. Бироны – это древний род французских аристократов – герцогов. Вот этот прохиндей и придумал версию, что курляндские Бюрены дальние родичи известного французского дворянского герцогского рода, который дал Франции несколько маршалов. Вроде и сейчас один из этого рода маршал.

Реципиент придумал герцогский род, а народ придумает ему биографию, возведя в конюхи или торговцы. Самое интересное, что он, значит, конюх, а два его родных брата, что сейчас служат при Российском дворе, ну или будут служить, один подполковник и командир Измайловского полка, а второй целый генерал, а впоследствии так вообще генерал-аншеф, не из конюхов, а из дворян. Нестыковочка.

Ладно, пусть болтают. Их проблемы. У него теперь своих до чёртиков. Казалось бы, молодец архангел. И время, и место для попаданца – лучше не придумаешь. Он – всеильный фаворит, и Анна настолько подмяла в Реале Россию под свои хотелки, что всяким Сталиным только завидовать приходится. И она выполняет любое его желание. Всегда поступает, как хочет Бирон. И все министры будут к нему на поклон ходить, чтобы он делу ход дал. Чего ещё желать? Прогрессорствуй на здоровье. Никто препятствий чинить не будет. Помогать будут с радостью, хвост задрал.

А ещё замечательное международное положение. Всего две войны. Одна непонятно с кем на территории Польши, с Францией в основном. Но той Франции там несколько сотен человек. Да, даже тысяча. Десант на кораблях пришлют. Есть ещё разрозненные отряды поляков, против армии – хрень. И отличный повод пограбить панов. Вторая серьёзней. С Турцией. И она несмотря на успехи первоначальные в Реале обернётся пшиком, французы подсуеются и Австрияки, как всегда, предадут. Ну, это они с Брехтом не сталкивались. Ах, да там ещё Миних положит небоевыми потерями сотню тысяч солдат русских. Так Миниха можно грохнуть, а войско послать на юг более подготовленным и с совершенно другими задачами. Нужен геноцид. Нужно ужас вселить во врагов и друзей. Выжженная земля нужна. Только людей не убивать, а в полон угонять и заселять ими пустующие земли в Сибири и Северном Казахстане.

Кстати, Миниха нужно грохнуть сразу. Именно он арестует после смерти Бирона и на двадцать лет его в ссылку отправит. Там есть интересный нюанс, когда Елизавета совершит переворот дворцовый, то отправит Миниха в ссылку. А Бирона в Ярославль из Сибири вернёт, и они встретятся по дороге. Классно, наверное, поговорили. Сибирь? Чего кадрами разбрасываться, нужно Миниха отправить губернатором Камчатки. Когда ещё Беринг туда доберётся? Пусть Миних строит Петропавловск-Камчатский. Насчёт Беринга тоже нужно подумать. Нормально экспедицию снарядить, чтобы от цинги не умирали. Выдать им с собой несколько мешков чеснока.

Вообще, Брехт и без голубых крупинок прилично знал всякого про Бирона. Даже видел его. Не совсем его. Мумию. Бирона забальзамирует сын и поместит в семейную усыпальницу в Митаве. Брехт, как-то в будущем, был на экскурсии в Риге, и их возили на автобусе в Елгаву, так потом этот город будет называться. И в усыпальнице показывали некрополь герцогов Курляндских и рассказывали интересную историю про сам некрополь и мумию Бирона, а до кучи много чего и про самого Бирона. Точных цифр Иван Яковлевич не запомнил и имён, но сама история и без них жуткая и интересная.

Бирон умер очень старым, за восемьдесят лет было, в Митаве, где и завещал себя похоронить, что согласно его завещанию сын и сделал, тело «тихо и без роскоши» захоронили в подземелье Митавского дворца, в родовой усыпальнице. Первоначально герцог покоился в деревянном гробу, но через десять лет, когда скончалась супруга Бирона, их сын Петр заказал родителям медные саркофаги. Он был лет на десять старше жены Бенигны Готлибы. Тоже долгожительница, получается.

Сама усыпальница была устроена в цокольном этаже Митавского дворца, построенного Растрелли, специально, как парадная городская резиденция герцогов Курляндии и Семигалии. Сам реципиент и отправил Растрелли за казённый счёт дворцы в Курляндии строить.

Медный саркофаг Бирона в длину почти три метра и опирается на шесть львиных фигур из позолоченной меди. На крышке гробницы – герб Курляндского герцогства. А в саркофаге находится дубовый гроб, обитый черным бархатом и украшенный бахромой из позолоченного серебра. Тело Бирона было по приказу сына мумифицировано, что позже позволило показывать легендарного герцога посетителям гробницы, забальзамированные останки Бирона были облачены в бархатный коричневый кафтан французского покроя, на груди – нашитая Андреевская звезда. Лицо у мумии сохранилось отлично. Поврежден только нос, и то немного совсем. Кончик его, очевидно, оторван. Бархатный кафтан и исподнее платье от времени значительно потускнели и полиняли. Голову покрывает белый парик. Крючковатый нос придаёт его продолговатому лицу резкое, ястребиное выражение, сохранившееся и после смерти.

Брехт, вспомнив экскурсию, даже хотел встать и в зеркало посмотреться. Передумал, не всё хорошо с зеркалами, да и не худое лицо сейчас, не восемьдесят лет Бирону, а около сорока. Вон пузо какое. Смешно. Перед этим попал в немца с орлиным носом и красавчика

высокого и теперь опять и немец, и высокий, и с орлиным носом. Специально Иегудиил выбирал, гад.

Дальше экскурсовод и рассказывает жуткую историю.

Бывший регент Ивана Антоновича, хоть и не на долго совсем, но всё же бывшего императором Российской империи, и после смерти не нашел покоя – в 1919 году усыпальница пережила погром, устроенный коммунистами и солдатами. Существует свидетельство, что большевики расколотили все гробы, даже детские, выбросили оттуда все кости и забальзамированных Бирона и Якоба Кеттлера и всячески глумились над трупами. Бирона раздели, в черепе у левой брови пробили отверстие, чтобы закрепить каску, надели им немецкие шлемы, вставили папиросы в рот, в руки всунули красные флаги. После освобождения Митавы от большевиков гробница долго оставалась открытой. И только спустя месяц «белые» сложили опять все кости в гробы и замуровали гробницу. На экскурсии им потом показывали фотографию. Фотография старая и сохранилась плохо, но на ней можно разобрать: высохшая кукла Бирона стоит во весь рост у стены: на голове немецкая каска, в провале рта – трубка, по бокам два хохочущих солдата. Когда «красные» жгли Митаву, тело Бирона валялось на обледеневшей земле перед пылавшим дворцом. Потом его подобрали и снова водворили в кладовую.

Обидно, понимаешь. Нужно в этот раз написать Петру в завещание, чтобы похоронили в земле, как и положено. А ещё лучше сожгли и захоронили только прах – пепел. Не хочется, чтобы даже над трупом издевались.

Петру?! А ведь и жена и Петр с дочерью сейчас в соседней комнате и им пора, как и ему, впрочем, собираться в Москву.

Глава 3

Событие пятое

Муж хотел завести любовницу... я отговорила – мол «дорого, не потянем»... Лучше я заведу любовника... лишняя копейка в доме не помешает.

– Карл, – Брехт сфокусировал взгляд на стоящем истуканом дворцеком, – Карл, давай одеваться. Вели принести дорожную одежду. Ну и команду дай, пусть начинают кареты готовить. Да, и ещё, жене скажи, пусть собирается. Детей тепло оденьте. Дорога длинная и холодная.

Истукан с подносом кивнул и удалился, как-то смешно ноги переставляя. Видимо что-то с коленями? Артрит? Шёл, как на ходулях, прямые ноги вперёд выбрасывая. Артрит, точно. Жалуется же всё время слуга на погоду. Неправильный обмен веществ. Стоп.

Брехт опять сел на перину. Мысль прямо пробила голову. Цепочка выстроилась. Анна Иоанновна, она же Анхен, умрёт через десять лет от камней в почках. Потом сделают вскрытие и найдут в почке огромный камень на коралл с острыми концами похожий. Именно этот камень и сделает из Анны Иоанновны наркоманку в конце жизни, медики будут в качестве болеутоляющего опиумный отвар давать. Он её потом и убьёт.

Следующее звено этой цепочки – знание самого Брехта. У него тоже были камни и ему прописали отвар Марены Красильной пить. И ведь помогло. И дальше звено цепочки. Это уже от князя Витгенштейна. Он заставил весь Кавказ выращивать Марену Красильную. Не как лекарство от камней в почках, а как краситель дорогой и востребованный. Сотнями тысяч рублей потекли денюшки, в том числе и в его карман. И последнее звено. Сейчас 1730 год, а значит сейчас Российская империя владеет на Кавказе огромными территориями, которыми больше не будет владеть никогда. Сейчас Каспийское море, по существу, внутренне море России. В 1723 году заключён, так называемый Петербургский мирный договор с Персией. К России отходили южное и западное побережья Каспийского моря с Дербентом, Баку, Рештом и провинциями Ширван, Гилян, Мазендеран и Астрабад. То есть, всё южное побережье Каспия до самой Туркмении с юга. Да, шах поменялся и новый, вроде как, не подписал договор, но зато он признан Турцией. Это важнее. Персы сейчас погрязли в междоусобице. Им не до войны с Россией. Россия руками Остермана сама отдаст назад Ирану эти земли по Рештскому 1732 года и Гянджинскому 1735 года трактатам, чтобы заполучить союзника в войне с Турцией. И те предадут. Получат назад иранцы земли и замирятся с Портой. Точно так же, как и Австрия. Именно из-за предательства австрияков пятилетняя война, унёсшая кучу жизней и денег, закончится пшиком. Россия получит назад Азов, но там нельзя будет строить крепость и малюсенький кусочек Украины – дикое поле без населения почти.

Сейчас всё это ещё легко можно исправить. Главное не допустить к этому делу Андрея Ивановича Остермана. Или, по крайней мере, дать чёткие указания, чего нужно делать, а чего не нужно. И обязательно, как можно быстрее, надо наладить снова на Кавказе производство Марены Красильной. Срочно по прибытии в Москву необходимо отправить за ней отряд на Кавказ в Дербент. Пусть привезут и сушёные корни и живые в горшках. А потом убедить Анну пить отвар в виде профилактики.

Стоп. А вот интересно. Всех немцев в России переименовывают. Остерман же никакой не Андрей Иванович он Генрих Иоганн Фридрих. Бурхард Кристоф фон Мюнних станет Христофором Антоновичем. Витус Ионассен Беринг превратится в Ивана Ивановича. И ничего

не известно, как переименуют Бирона. Никто же не будет его называть Карл Эрнст Иоганн. Как-то же к нему должны обращаться при дворе? Или будут? Единственное исключение?!

– Нужно самому придумать, – вслух сказал Иван Яковлевич и всё же поднялся с кровати, подошёл к окну. За окном мела метель. Стучалась прямо в заиндевевые окна. А ведь весна уже. Чудит погода.

И как же обозвать себя? Эрнст Иванович? Хрень. Эдуард Иванович? Да, тоже хрень. На какое имя русское похоже имя Эрнст? И опять интересно. Гид в усыпальнице говорил, что дочь перейдёт в православие и станет Катериной Ивановной. Может тогда и он Иван? Иоганн же. Замечательно. Он сын Карла фон Бюрена. Получается Иван Карлович. Нет, не звучит. «Карлович» немецким сразу отдаёт. А чего, пусть будет Иван Яковлевич. Какая разница русским, как немецкое имя исковеркать.

– Эрнст! – в комнату чуть скособочившись вошла невысокая женщина.

Вот! Вот, мать его, этого Иегудиила... А интересно, у ангелов и прочих архангелов есть матери? Откуда-то же они берутся? Ладно, при следующей встрече нужно выяснить, отметил себе Брехт и внимательно осмотрел вошедшую женщину. Невысокая, где-то чуть больше метра шестидесяти, сутулая, и ещё чуть правое плечо ниже левого, из-за чего женщина ходит с наклонённой головой и сутулится ещё больше. Не горбатая, как напишут потом в википедиях, просто такая осанка. И страшная, как ядерная война. Она спокойно со своим крючковатым длинным носом может бабу Ягу без грима в кино играть. Серые волосы затянуты сзади в шишку. Волосы жиденькие. Вот один из двух подвохов Иегудиила – у него самая страшная в мире жена. Бенигна ГотлибаТротта фон Трейден была фрейлиной Анна Иоанновны. Почему была, она и сейчас фрейлина. И Анна уговорила Бирона, чёрт бы его побрал, жениться на ней, чтобы скрывать их с Анхен, чёрт бы и её побрал, интимные отношения.

Страшная жена – это первая пакость, которую ему архангел подстроил. Есть и вторая. Обычное дело – страшная жена, когда женишься по необходимости. При этом потерпевший, так сказать, заводит себе красивую любовницу в этом времени. И опять облом. У Бирона самая некрасивая любовница из возможных. У него – Анхен. Бабище ростом 182 сантиметра, на голову возвышающаяся над аборигенами и в ней за сотню кило. И страшная физиономия, и усы ещё. Твою же налево. И с этими двумя квазимодами ему теперь по очереди спать?! Да, удружил Иегудиил.

– Эрнст, мы уезжаем надолго? – женщина снизу вверх посмотрела на него.

Есть плюсы в выборе Иегудиила. Бирон выше Анны Иоанновны. В нем должно быть все 187 сантиметров. Идёт эдакая парочка по парку, взявшись за ручки, как описывают в книжках, и за ними толпа карликов, а все встречные и поперечные на голову ниже. Приколно.

– Да, дорогая, мы вернемся сюда только через тридцать с лишним лет.

Событие шестое

Наша история идет по нашему календарю: в каждый век отстаем от мира на сутки.

Василий Ключевский

Прелесть весны познается только зимою, и, сидя у печки, сочиняешь самые лучшие майские песни.

Генрих Гейне

Россия в то время жила по Юлианскому календарю. Хорошо хоть Пётр летоисчисление и начало года перевел на общеевропейский, а то при чтении летописей и прочих исторических документов сам чёрт ногу мог сломить, имело же значение до сентября год или после.

Но перевёл. А вот на Григорианский более точный не удосужился. Но уже переводить проще. Добавил тринадцать и получил новый стиль так называемый. Хрен там. Тринадцать дней – это не догма. Там ведь в чем цимес, каждый год сколько-то секунд набегают, и чтобы их компенсировать придумали такой ход – каждый високосный год, который кратный 400 не високосный. Ну например: ближайший 1700 не имеет 29 февраля в календаре. У всего мира нет, а у России есть. Значит, путем простейших вычислений имеем, что в 1730 году календарь отставал не на 13 дней, а на одиннадцать. Впереди ведь 1800 год и 1900. А 2000? Нет 2000 кратен 400, а потому был високосным. Потому 14 января будет Новым годом «Старым» только после 2100 года. Попробуй, доживи.

К чему это? 10 (21) февраля Анна прибыла в подмосковное село Всесвятское. Князь Василий Лукич Долгоруков, строго соблюдая решения Тайного Совета, от самой Митавы вёз будущую императрицу, как пленницу. Он всю дорогу находился с ней в одних санях и бдил, несмотря на все неудобства с этим связанные, а по прибытии во Всесвятское не давал возможности ей остаться наедине со своими подданными.

Неудобства были. Анна Иоанновна решила взять в дорогу, очевидно, чтобы не скучать, годовалого сына Эрнста Иоганна Бюрена Карла Эрнста. А чего, две недели ехать, скучно же. А так классно же – ребёнок плачет, пачкает пелёнки, требует подмывать себя и кормить. И часто это делает и ночью тоже. Не грудной, конечно, но всё же. Сплошные развлечения все две недели. Не спорят же о вкусах.

И после этого кто-то ещё будет сомневаться – чей сын этот самый Карл Эрнест. А ну да, он сын Бирона. Всей же Митаве известно, что государыня неожиданно полюбила платья балахоны, а жена Бирона прятала под своими платьями всё увеличивающуюся подушку. И шила в мешке и подушку под платьем не утаишь.

Верховники хотели держать Анну чуть ли не под домашним арестом, но прилетели сёстры и не пустить их – государынь к будущей императрице ни у кого духу не хватило. Они и поведали Анне все Московские политические расклады. Понимая, что всё рухнет у них и дворянство ропщет и гвардия, члены Тайного совета поспешили перевезти Анну в Москву. И вот 15 февраля или 26 по новому стилю въехала она в Москву, где войска и высшие чины государства в Успенском соборе присягнули государыне. Присягнули с учётом кондиций, не было упоминания о самодержавии. Пять дней Москва после этого бурлила. Закончилось это тем, что подстрекаемая родственником Анны – Салтыковым, которого Анна возвела в генерал-майоры, гвардия взяла на понт и на голос Верховников и дворян. Всем вдруг показалось, что в России должен быть неограниченный никакими кондициями монарх. Обе партии пошли на попятную и под злыми взглядами и разинутыми в крике ртами гвардейцев стояли молча, когда Анна Иоанновна кондиции рвала. Как результат: 1 (12) марта 1730 года народ вторично принёс присягу императрице Анне Иоанновне на условиях полного самодержавия.

И в этот же день гонец отправился в Митаву с письмом к дорогому другу Эрнсту Бирону с просьбой... с повелением... С приглашением срочно с женой и остальными детьми прибыть в Москву.

И причём тут старый и новый стиль. А при том, что шестнадцатого марта или 27 марта по современному календарю 1730 года, когда Брехт с семейством выехал из Митавы, началась весна и распутица. Анна добиралась в санях по снегу и хорошим дорогам две недели. Иван Яковлевич в двух каретах по раскисшим дорогам, в сопровождении трёх конных преображенцев, тоже проделал этот путь за две недели. Только чего это стоило. Половину дороги они с Карлом и двумя солдатами Преображенского полка, что были за ним посланы, толкали кареты, вытаскивая их из колеи. Офицер – старший у преображенцев – поручик Иван Салтыков (тоже, видимо, родственник) первые дни в грязь не лез, но потом не выдержал, и вынужден был включиться в процесс таскания бегемота из болота.

В литературе Бирона обзывают русофобом. Не активным, а так – бытовым. Бурчал на русских и их порядки, варварами обзывал. Тут и самый завзятый русофил после такого путешествия станет ругать Россию и русских. Грязь в марте холодная. И ты всегда в ней и мокрый. На постоянных дворах мяса не подают. Пост. Подгорелая каша и хлеб из зерна, плохо промолотого с подозрительными чёрными пятнами. Уж не спорынья ли? Туалета нет. Горшок маленький и грязный. Умываться надо на дворе из ведра под мелким нудным весенним дождём. В комнате все насекомые присутствуют. Полный набор. И клопы есть, и вши обоих видов (и головные, и платяные), и тараканы – пруссаки огромные и юркие. Тренированные. А ещё, несмотря на указ самой императрицы, и присутствие Салтыкова зачастую сменных лошадей на станции нет. Сиди жди.

Вдоль дорог вереницы нищих с котомками. Тысячи. Слово вся Россия весной идет побираться. Не хватает хлеба до нового урожая. Один раз в них из кустов пальнули. К счастью, никто не пострадал, а ответный выстрел Бирона сначала, а потом Салтыкова, видимо, обратили нападавших в бегство. По крайней мере, посланные преображенцы в кустах никого не нашли. Только ветки наломаны, чтобы не на сырой земле лежать татам. Засаду с комфортом устроили.

Как после двух таких недель не стать русофобом? Не любил Брехт Петербург с его гнилым климатом. Теперь и Москву ненавидел. Может, попробовать перенести столицу в Ригу. Европейский город и хоть на немного, но ближе к Европе этой. А ещё возможность за несколько веков полностью ассимилировать латышей. Подумать надо.

Событие седьмое

*Я люблю подмосковные рощи
И мосты над твоею рекой,
Я люблю твою Красную площадь
И кремлёвских курантов бой.*

Марк Лисянский

Встречи с Иоанновной Брехт побаивался. Представлял себе, как эта огромная мужеподобная тётка бросается на него прямо при людях. Обнимашки. Тьфу. Ну с обнимашками ладно. С нею же разговаривать придётся. Конечно, на этот раз все синие кристаллики удалось проглотить, и вся память Бирона при нём, но не сам Бирон. Его манера строить фразы, интонации, их любящее сердце Анхен сразу распознает. Вот уже в дороге жена несколько раз подозрительно на него косилась. И даже вопросы задавала. Отбрыкивался усталостью от тягания карет из грязи и плохим самочувствием. Пришлось кашлянуть пару раз, вот, мол, не до разговоров. Хворый.

Кареты долго петляли по узким московским улицам, пересекающимся каждый раз под неожиданным углом, даже близко 90 градусам не равным. Улицы, как и дорога до этого, замощены не были. На них всё те же глубокие колеи и грязь непролазная. А ещё встречные и поперечные кареты, возки, телеги, толпы шатающихся людей. Пробки самые настоящие. Понятен становится обычай власть придержащих – высылать вперёд своей кареты несколько всадников с плётками, чтобы дорогу расчищали. У никому не известному пока в Москве Бирона такой привилегии нет. Ехали медленно и даже стояли, пропуская других. Немчик приехал, мало ли их немчиков в России.

Наконец выехали через хлипкий деревянный мост на широкую довольно дорогу, которая вскоре влилась в Красную площадь. Да, тут вам не там. Не, не. Там вам не тут. Эта Красная площадь ничем не напоминает, ту красавицу из двадцать первого века. Будучи в прошлое своё попаданство в тело князя Витгенштейна, Брехт уже наблюдал эту картину. Но сейчас

всё ещё хуже. Это скорее крестьянский рынок, чем гордость страны. Начать следует с того, что она ничем не замощена вообще. Впервые её замостят, да и то не полностью булыжником в 1804 году. Брехт видел и работы, бывая в Москве, и результат. Булыжник серый и неровный с грязью попеременно, это совсем не габбро-диабаз, антрацитово-чёрный. Им Красную площадь замостят только в 1930 году. Прямо по грунту, как и сейчас булыжник. Москва же на болотах стоит. Участки дороги будут проседать и вмятины эти и расколотые камни изредка будут менять. Современный вид площадь, точнее её покрытие приобретёт только после 1974 года, когда её сначала залиют бетоном, а потом опять замостят карельским габбро-диабазом. Слышал Иван Яковлевич, что на реконструкцию ушло пять миллионов обтёсанных вручную камней. Не мало.

Сейчас Красная площадь покрыта частично деревянными настилами. Далеко не везде. Они ведут к Никольским и Спасским воротам от улиц Никольской и Ильинки.

Не все ещё минусы. Нет памятника Минину и Пожарскому. Нет красивого здания ГУМа, даже Исторического музея ещё нет. Рынок и непонятные халупы вместо этой красоты.

Кареты повернули к Никольской башне, как раз на деревянный настил въехав, еле видимый, и то местами, из-за покрывающей его грязи. С их колёс тоже грязь осыпалась, глубже доски закапывая. Ворота были закрыты и на карауле стояли семёновцы, легко узнаваемые по своей сине-красной форме.

– Кто такие? Пропуск.

Ну, вот и добрались. Открывай сова медведь пришёл.

Глава 4

Событие восьмое

Хорошо защищен тот город, который окружен стеной из мужчин, а не стеной из кирпича.

Ликург Спартанский

Дом Василия Ивановича Стрешнёва находился по современным меркам от Кремля далече. Аж, на Божедомке. Километра три. По Петровке нужно доехать до современного Бульварного кольца и ещё чуть проехать. Брехт решил на лошади проехаться, взял было в Конюшне высокую каурюю кобылку. Которую так «Кауркой» и прозывали. Но не получилось. Анхен увидела из окна и велела слуге передать, чтобы Иван Яковлевич изволил ехать в карете в сопровождении конных Преображенцев. Пришлось ждать, расхаживая около конюшню, время от времени помахивая рукой по прежнему стоящей у окна Анне Иоанновне.

Она и так отпустила от себя Бирона с неудовольствием. Как же, обедать без него, почему не завтра съездить поутру или, вообще, подождать пока канцлер Остерман выздоровеет. А Брехту не терпелось, раз уж до власти дорвался попрогрессорствовать. Вызвал к себе Андрея Ивановича, а тот сразу занемог. Подагра. С кровати встать не может. Самое интересное, что это могло быть и правдой, читал Иван Яковлевич, что его на носилках на каторгу в Берёзов отправляли. Ходить не мог. А могло быть и воспалением хитрости. Этот товарищ всегда в ответственные моменты заболел. Сейчас время непонятное и приглашение фаворита императрицы «поговорить», когда совсем недавно, и месяца толком не прошло, как Указом Анны Иоанновны от 9 (20) апреля 1730 года Иван Долгоруков вместе с отцом Алексеем Григорьевичем и его семейством, а также с молодой женой Натальей Борисовной сослан в Берёзов, с лишением чинов и орденов, также отобраны все поместья у них. Почему бы не поболеть немного, пока всё не рассосётся и не устаканится. Вроде и проявила к нему благосклонность Анна Иоанновна и даже графским титулом пожаловала, но... Как говорится, ночная кукушка дневную всегда перекукует. Тёмная и непонятная личность этот Бирон. Да ещё и сынок у императрицы от него. Может, и не к добру тот «разговор»? Приревновал боров курляндский. А нет. Не боров. Хряк. Раз состоит любовником при Анне Иоанновне, то точно не кастрат.

Ивану Яковлевичу же не терпелось переговорить с Остерманом о кое-каких нововведениях необходимых, и он уговорил Анхен отпустить его на несколько часов проведать и поговорить с умнейшим человеком в России – Андреем Ивановичем. Новоиспечённый граф жил в усадьбе шурина на Божедомке. Андрей Иванович женился на Марфе Ивановне Стрешнёвой, и жил, пока двор пребывает в Первопрестольной, в доме её брата и своего шурина Василия Ивановича Стрешнева, который дослужился к этому времени до чина тайного советника, имел придворное звание камергера и был сенатором. Стрешнёвы – это родственники той самой Евдокии Стрешнёвой, на коей и женился первый Романов – Михаил – прадед Анны Иоанновны.

За столетие Стрешнёвы выстроили несколько каменных и деревянных домов, сейчас объединённых в один «С» образный комплекс, прикрытый со всех сторон высоченным забором. Крепость целая. Карета остановилась перед воротами, и их ни в какую не хотели слуги, в кафтанах с золотым шитьём, открывать. Болен, дескать, Андрей Иванович и никого не принимает. Пришлось Ивану Яковлевичу выйти и дать указание Ивану Салтыкову, посланному с ним императрицей, силу применить. Преображенцы прикладами дворню разогнали и ворота открыли. Двое новых дуболомов всё в тех же коричневых шитых золотом кафтанах

и на крыльце пытались грудью петушиной встать на защиту «неприкосновенности жилища», но один получил прикладом в грудь золотом шитую, а второй пинок от Ивана в область болезненную и оставили свою глупую затею. Но вообще, надо отдать парням должное, до последнего пытались препятствовать проникновению «супостатов» – гостей незваных. И видели же мундиры Преображенского полка. Либо дураки, либо смельчаки.

Следующей преградой на пути Брехта встала жена Андрея Ивановича – Марфа Ивановна – статс-дама новой императрицы. Брехт начал закипать. Он вообще – холерик, а тут столько приключений за одно утро.

– Извините, Марфа Ивановна, – выслушав гневную отповедь про болезнь несчастного Остермана, проговорил Иван Яковлевич, после чего взяв статс-даму за талию, приподнял её легко и переместил с плацдарма перед дверью на метр вправо. Пока Марфа визжала, Брехт открыл тяжёлую и огромную дубовую дверь и вторгся в «больничку».

Дверь дёрнулась, видимо жена решила, как и слуги, оборонять Остермана до последнего, но Брехт её придержал с этой стороны и разглядев в полумраке лежащего на кровати в перинах и подушках вице-канцлера попросил.

– Андрей Иванович, успокойте домочадцев, я не арестовывать вас прибыл, а наоборот хочу милость монаршую до вас донести. Так сказать, посланец добрых вестей. Поговорим, и я уйду, а вы болейте себе. Хоть всю оставшуюся жизнь. А дела тогда мы без вас делать будем. Работу работать. – После чего Иван Яковлевич отпустил дверь. В комнату тут же ворвалась жена, да не одна, а неизвестно откуда взявшимся мальчиком лет пяти. Женщина голосила, мальчик плакал.

– Марфа Ивановна, дай нам с господином Бироном поговорить. И винца рейнского принеси. Сладенького. И клюковки мочёной. Любите винцо, Иван Яковлевич?

– Пусть будет винцо и клюковка, Ваше Сиятельство. – Брехт подошёл к окну и раздёрнул шторы. А потом и само окно распахнул. В комнате смрад стоял, кислым чем-то воняло и мочой. Или потом? Или потом с мочой? Свежий ветер дунул в лицо Ивану Яковлевичу и остановил подступивший к горлу позыв рвоты. В таком смраде поневоле заболеешь.

Событие девятое

Побеждает тот, кто переходит в наступление. Обороняться мало, надо переходить в наступление.

Архимандрит Алипий (Воронов)

Брехт раздвинул до конца в обе стороны глухие бархатные шторы и впустил в комнату вонючую сначала солнце, потом преодолевая сопротивление разбухшей древесины открыл и вторую створку большого окна. Вместе с чириканьем воробьёв на соседнем дереве в комнату устремился поток свежего воздуха.

– Иван Яковлевич, простудите Андрея Ивановича! – бросилась к нему жена вице-канцлера, пришедшая с девицей, в руках у которой был поднос серебряный с графином и бокалами стеклянными.

– Я же на медикуса учился в Кёнигсберге, в университете, так что мне виднее, как с болезненным поступать. Ему свежий воздух необходим, а вы его миазмами этими только губите. Уйду, когда, то влажную уборку тут сделайте и перину проветрите, шторы же снять нужно и постирать, пыль прямо сыпется с них. И нужно каждый день комнату проветривать. По несколько часов, скажем час потом пару часов закрыть. Потом снова проветрить. И каждый раз одновременно влажная уборка. А теперь оставьте нас, дорогая Марфа Ивановна. Важный государственный разговор у нас и Андреем Ивановичем. И проследите, чтобы никто не подслушивал – то, что я буду говорить – это строжайшая государственная тайна.

– Марфа Ивановна, сделай, как господин Бирон говорит. И не беспокой нас пока. – Остерман встал, выпутавшись из перин, и накинул на плечи бархатный, засаленный на рукавах и шее, коричневый халат. В чепце при этом оставшись. Тот ещё вид. Словно старушка – процентщица из «Преступления и Наказания».

Брехт нашёл взглядом стул, задержав дыхание, дошёл до него, поднял и перенёс к окну, только после этого снова вдохнул. На него и уселся. Вонь у окна один чёрт ощущалась, ну, хоть не так сильно. Терпимо.

– Андрей Иванович, вы знаете, что у Анхен, простите, у Государыни Анны Иоанновны не всё в порядке с почками? Жалуется иногда.

– Так лейб-медики...

– Это – понятно. Был у нас профессор в Кёнигсберге в университете, так он один чудодейственный рецепт рассказал мне и от подагры вашей, и от камней в почках, от почечной колики. Интересуетесь? Сейчас вот ногами скорбны? Желаете помолодеть телом лет на десять? Сколько вам? Сорок пять? Будете себя лет на тридцать чувствовать и ноги поправятся. Подагра – это то же самое, что и почечная, и желудочная колика – камешки откладываются. У одних в почках, у других в желчном пузыре, у третьих в коленях или локтях, в суставах любых, в том числе и в позвоночнике. Камешки острые, и когда человек ходит, то они кости карябают. Те воспаляются, вот и вся болезнь.

– Да, что же медики не лечили Анну Иоанновну? Если уж вы всё это и раньше знали...

А получи фашист гранату. Сейчас на икоту пробьёт. Брехт соорудил злую рожу. Брови свёл к переносице, губы в гузку превратил, нос орлиный сузил.

– Вы в том числе виноваты, дорогой... Андрей Иванович. В бедности, нищете почти пребывала Государыня в Курляндии. Платья за фрейлинами донашивала, пищу крестьянскую ела, даже медикуса приличного себе позволить не могла. А ведь вы руководили связями с заграницей, вы за внешнюю политику отвечали и были подле государей. Ладно Пётр, с тем не забалуешь. Но и при Екатерине, несмотря на все слёзные письма, Государыня бедствовала и при Петре Алескеиче, царствие ему, засранцу, небесное. Как копейки высылали на содержание двора герцогини, так и продолжали. А уж она-то бедняжка письма жалобные писала в Петербург и Москву, и вам в том числе, Андрей Иванович. Да не бледнейте вы так, господин граф. Отходчивое сердце за старые грехи у Анхен. Новых не наделяйте. Так желаете узнать средство от подагры и колик?

– Ик?

– Точно. Ещё и Пётр Михайлович Бестужев-Рюмин обкрадывал матушку императрицу. Он сейчас не по-вашему ли ведомству служит?

– Ик.

– А вы хлебните винца сладкого, Андрей Иванович. – Брехт подождал, пока Остерман и вправду нальёт себе в фужер красного вина из графина и вылакает всё, проливая на коричневый халат, ну, грязнее не станет, некуда уже грязнее.

– Нет, вы, Иван Яковлевич, не знаете должно быть, но корыстолюбец сей в ссылке сейчас в своём именице пребывает. По вступлении на престол Анны Иоанновны... Пётр Михайлович был назначен губернатором в Нижний Новгород. Однако недовольный таким назначением, смел этот человечешка высказывать недовольство, дошедшее до императрицы. Едва приехал он в губернию, как получил приказание отправиться в имение в селе Луковец, что под Вологдою. – Остерман вновь себя вина налил.

– Стоп. Стоп. Андрей Иванович, вы это бросьте. Мне вы в трезвой памяти нужны. Дела же важные государственный решать сейчас будем. Кроме того, вы бы Ваше Сиятельство бросили сладкие вина пить. Они подслащены свинцом. Пули из него льют. Так вот, медики считают, что соли свинца страшно вредны для здоровья. Глохнут и слепнут люди. С ума сходят.

– Ик!? – графинчик рухнул на поднос, задребезжал, опрокинулся, вино полилось, красной лужей по полу растекаясь.

– Вот и хорошо. Итак – лекарство.

Граф Остерман

Событие десятое

Создать при правительстве департамент по связям с преступностью.

Какой же русский не любит быстрой езды? Тот, на котором едут.

Леонид Шебаршин – автор книги «КГБ шутит».

Остерман, словно и не болел совсем шмыгнул к двери, шлёпая по полу босыми ногами.

– Марфа Ивановна, Лизку сюда с тряпкою пришли! Вино пролилось! – Рыкнул он, приоткрыв дверь. Вернулся, сунул ноги в обрезанные валенки и покосился на окно.

– Воняет тут у вас. Очень Государыня у нас чистоплотная, насекомых не любит, вшей и тараканов всяких. Клопов, но паче того нерях и грязнуль. Ежели не хотите, Андрей Иванович, в немилость попасть. То заведите себе в обычай мыться с мылом каждый день и ходить в Кремль и на другие встречи с Государыней в выстиранной, отглаженной и приличной, не штопаной всякой одежде. Я тут с вами разговоры разговариваю, прожекты строю, а вы завтра перед Государыней в таком вот виде предстанете, да ещё пропитанный эдакой вонью и всё – пишете письма. Отправит вас Анхен в Берёзов к Меньшиковым и Долгоруким. Будете вонью своей медведей отпугивать.

– Да, я... Прямо сейчас...

– Ну, уж хрен. Потерплю я. А как уеду, то и начинайте человеческий облик приобретать. Человек – звучит гордо. Кто-то из писателей сказал. Ладно, про писателей чуть позже поговорим. Давайте про травки лекарственные. Запоминайте. Писать ничего не надо, потом, если что, ещё раз расскажу. Есть три корня, которые, если их заварить и пить, камни растворяют. Первый здесь на Руси не редкость и в Европе его полно. Это корень шиповника. Копают их осенью и заваривают, как обычный отвар. Сейчас весна и он силы своей не имеет. Но осенью нужно будет в приличных количествах его заготовить, как и ягоды шиповника. Потом объясню для чего ягоды нужны.

– А если всё же выкопать сейчас? – помассировал колени Остерман.

– Нет. Плохое лекарство и навредить может. Скорее всего, можно у бабок на базаре купить? У народных целительниц – знахарок. А возможно и у докторов иноземных есть? Средство известное и не секретное. Только это самый слабый из трёх кореньев. Мало в них сил.

– А второй?

– Второй достать сложно. Я не знаю, видели ли, цветок есть – подсолнечник. Крупные такие жёлтые цветки. Так вот, в его корнях тоже есть сила, чтобы камни растворять в организме. Та же беда, что и шиповником, нужно собирать осенью. Вы отметьте себе, Андрей Иванович этот подсолнух. Нужно всем нашим послам во всех европейских странах написать, чтобы они осенью семян подсолнечника закупили в разных местах и с оказией в больших количествах сюда прислали. Только чтобы не заморозили зимой. Ну, там мешочек семян под одеждой гонцы чтобы везли. Весною посадим, и посмотрим, у которых будут самые большие корни. – И верхки тоже, отметил про себя Брехт. Сейчас ещё подсолнух с большими семечками не выведен. Нужно будет их поскрещивать.

– Что же с третьим корнем и вовсе из-за океана, из Вест-Индии везти надо? – кисло улыбнулся вице-канцлер.

– Нет, но не близко. На Кавказе есть. В том же Дербенте растёт трава, которая называется Марена Красильная. Вот – её корень. Точнее, отвар из её корней – самое сильное средство. Нужно отправить туда людей с поручением купить горни у местных и сюда доставить. Там эту траву, корни эти самые, используют для покраски шёлка и шерсти, так что запасов у местных должно быть много. Ну, и раз поедут туда люди, то пусть и само растение живое и семян привезут. Растение в горшках, понятно. Будем на аптекарском огороде Петра выращивать. Ну и заодно, пусть луковок шафрана купят. Крокус ещё называется. Большие деньги могут они нам принести.

Остерман подхватился с кровати, на которой продолжал сидеть. Хотел, видимо у дать команду в Дербент гонца засылать.

– Успеется, Андрей Иванович, – остановил его Брехт. – Давайте мы с вами переговорим о некоторых прожектах.

– О каких же...

– Да, не волнуйтесь, господин граф, я на вашей стороне почти. А именно по вопросу кабинет министров. Хорошая затея. Только непродуманная малость. Это, как захотели вы яму выкопать, схватили лопату и давай копать.

– А разве это не так делается?

– Нет. Нужно кроме простой лопаты ещё совковая – убирать землю из ямы. Желательно и кирку ещё, если земля твёрдая. Рукавички, чтобы мозолей не наделать на руках. Тачку, выкопанную землю отвозить.

– Да, вы господин Бирон специалист...

– Но-но, аккуратнее. Я только с виду добрый. Никогда у меня в роду конюхов не было и сам я конюхом не был. А брат старший у меня генерал в польский армии. Ну, да ладно вернёмся к кабинет министрам.

Первое – нужен обязательно Председатель Совета министров. Кто-то должен координировать работу министерств. Я предлагаю возглавить кабинет министров и стать его Председателем или по-английски если стать Премьер-министром вам, Андрей Иванович.

– Мне? – Глаза загорелись у мнимого больного.

– Именно вам, Ваше Сиятельство, и заодно занять пост министра иностранных дел. Сразу и чуть реорганизовать надобно вам это министерство. В него должны войти три департамента.

– И чем же они заниматься будут?

– А давайте наоборот. Вы мне скажите. Первый департамент, и это понятно, будет состоять из послов и их помощников. А второй?

– Второй? – запустил руки в космы Остерман.

– Второй.

– Была у меня идея учить языкам заранее послов, а то... – развёл руками вице-канцлер.

– Точно, Андрей Иванович. Нужно под эгидой министерства и на его деньги организовать в Москве или Петербурге университет, где студии будут языки изучать. И не только английский, французский и немецкий, но и датский, и шведский, и даже финский. Испанский нужен обязательно, португальский, итальянский. Кроме того, там должны учить европейским танцам, риторике, истории стран будущего пребывания, стихи учить, чтобы дамам мозги пудрить.

– Что простите?

– Пудрить мозги? Это красивыми речами обманывать, завлекать. Выражение такое у нас в Курляндии есть.

– В Курляндии... – понимающе покивал Остерман.

– К третьему департаменту подобрались. Департамент Разведки, назовём, чтобы никого не пугать – Информации. С послами должен быть всегда образованный человек молодой или даже несколько. Красивой наружности, владеющий языками, отлично танцующий, чело-

век, который может вести беседу на любую тему. Обученный карточным играм. Он должен через дам и во время приёмов всяких собирать информацию о настроениях в его стране, об интригах, что там плетутся, о долгах высокопоставленных чиновников, об их армиях, о взаимоотношениях этих стран с соседями и об отношении к Российской империи. Вот таких людей и должен готовить назовём это заведение МГИМО – Московский Государственный институт Международных Отношений.

– Замечательно как! Не думал, Иван Яковлевич, что в вашем лице соратника найду, именно ведь об этом и мечтал уже лет десять. Сможем ли осуществить сей прожект?

– Парикмахер и кардинал – это сила! – не совсем так.

– Мы с вами вдвоём горы свернём, Андрей Иванович.

Глава 5

Событие одиннадцатое

*Чтобы выполнить большой и важный труд, необходимы две вещи:
ясный план и ограниченное время.*

Элберт Хаббард

– Иван Яковлевич... – Остерман как-то сконфуженно подёргал себя за кончик носа, – А как же канцлер... Головкин Гавриил Иванович?

– А чего канцлер? Пусть старик будет канцлером. Никто ему мешать не будет. Кондиций он, как и вы, не подписывал. Так что не враг Государыне. Только общался я с ним. Стар зело. Нагрузки, что нам с вами предстоят не выдержит.

– А если...

– Думаете – командовать полезет. Не полезет. Я с ним переговорю.

– Хорошо. А вы сами, Ваше Высокопревосходительство в этот кабинет министров войдёте? – хитрую рожицу скорчил мнимый больной.

Точно, три дня назад Анна Иоанновна назначила своим указом Бирона обер-камергером. По петровскому табелю о рангах с уточнением от 1728 года это чин 2-го класса или, на армейские если переводить, звания, то генерал-фельдцейхмейстер (чтобы звучало красиво), но этим же указом Бирон был пожалован чином действительного генерала. Что это такое Брехт пока не разобрался, но, скорее всего – чин всё же 2-го класса в армии или генерал от инфантерии или от кавалерии. Ну, Высокопревосходительство, одним словом.

– Я собираюсь стать министром Обороны.

– Как это? Не военным министром? – Остерман вновь скакнул на «больных» ногах к двери и прокричал, чуть приоткрыв её. – Марфа Ивановна, вели две чашки кофею заварить.

Брехт дождался пока болезный вновь плюхнет на кровать.

– Чуть вперёд забежали. У Председателя Совета министров будут два заместителя. Товарища. Не нравится мне слово «товарищ» в отношении чинов. Двусмысленно звучит. Пусть лучше будет – заместитель. Так вот, у Премьера два заместителя, если там заболит он или важным делом занят, то они будут решения принимать. Первый заместитель и будет министром Обороны. Чуть позже объясню, – заметив, что опять вскинулся Остерман, жестом отправил его назад на перины Иван Яковлевич. – Вторым будем министр Двора. Он, как и сейчас будет заведовать снабжением двора, празднествами всякими, строительством новых дворцов и прочими вещами, что связаны с особой Государыни. Нужно подобрать достойную кандидатуру. Вам это поручаю, господин Премьер. Вернёмся к министру Обороны, то есть, ко мне.

– И чем же заниматься будет сие министерство? Крепости строить? – тоже холерик. Не может спокойно сидеть?

– Этим тоже. Как и ваше министерство, моё будет разделено на департаменты. Раз уж о крепостях разговор зашёл, то, думаю, нужно вызвать в Москву срочно генерала Миниха и назначить его руководителем департамента Фортификации. И отправить в Ригу.

– В Ригу? А как же Санкт-Петербург?

– В Ригу. Рига – это наш форпост на пути в Европу. Там нужно сосредоточить значительную армию, а для этого нужны казармы, нужны дома для офицеров и генералов. Нужны плацы и полигоны для проведения учений. Много чего. Пусть организует строительство. Потом в Петербург отправляется, потом в Воронеж. В Дербент. Много мест у нас, где нужно значи-

тельные воинские соединения расквартировывать и от всяких зимних квартир нужно уходить. Должны быть казармы и военные городки.

– Ох и хлопотная должность и множество соблазнов. – Хитренько улыбнулся Остерман.

– Граф Бурхард Кристоф фон Мюнних или Христофор Антонович, надеюсь, человек честный. И воровать не будет. А если будет, то поправим. Он сейчас кем служит?

– Генерал-губернатор Ингерманландии, Карелии и Финляндии.

– Нужно найти другого. Может, шведа по национальности, давно обрусевшего, но связи с родиной не потерявшего. Поищите, Андрей Иванович.

– Не просто будет, все шведские генералы, за исключением фон Шлиппенбаха отказались принимать русскую присягу и переходить на службу к Петру Великому. – Отрицательно покачал головой Андрей Иванович.

– Тогда пригласите на службу полковника или майора. Остались же многие в России.

– Хорошо, поищем.

– Вот и замечательно. Ладно, дальше пойдём. Ничего я в кораблях не понимаю, зато понимаю, что в министерство обороны должны входить все войска, в том числе и флот, чтобы не тянули отдельные рода войск на себя одеяло, оставляя других без денег. Потому будет два департамента водных в министерстве. Первый – это морской флот. Второй – речного флота. С морским всё понятно. Тут у нас пока только два города приличных и есть на Балтийском море – Петербург и Рига и один ещё в устье Северной Двины, на берегу почти Белого моря – Архангельск. Вот там и будут морские корабли строить. И базы флота тоже там будут. Когда Азов отобьём назад у Порты блистательной, то и там построим. Отдельно стоит Астрахань. Там надо строить такие корабли, чтобы они и по морю ходили, и по Волге. Так что Астрахань, Нижний Новгород, Киев и Воронеж будут у нас относиться к департаменту речного флота. Во всех этих городах существуют или существовали разрозненные навигаторские школы или школы гардемарин или даже юнг. Нужно все это отревизировать, упорядочить и возобновить работу, если она по каким-то причинам прекратилась. Кроме того, во всех городах этих создать, если нет, школы юнг и набирать в них сирот, сыновей моряков и прочих мещан. В гардемарин у нас пойдут дети дворян. С отличием окончившие эти школы отправятся в Санкт-Петербургскую и Московскую навигаторские школы, там шкиперов будем готовить. По её окончании будут в европейские страны они командированы на пять лет, для приобретения опыта.

Этим же департаментам будут подчинены и верфи в этих городах и заводы, что пушки льют, а также заводы, что изготавливают парусину и такелаж.

– Ох и не простая это будет служба, – резонно заметил вице-канцлер.

– А кому сейчас легко. Дальше пойдём. Нужен департамент Артиллерии. Пушки нужно лить и учить из них стрелять солдат. Нужен департамент Кавалерии. Там будут конезаводы и заводы по производству оружия кавалеристов. Холодного. И заводы ещё, которые будут форму шить для кавалеристов. Всё пока. И ещё департамент инфантерии. Там форма для пехоты, оружие огнестрельное и холодное. Следующий департамент Учебный. Это будет самый важный департамент в моём министерстве. Здесь будет Шляхетский корпус, где будут офицеров готовить для армии. Несколько отделений нужно. В Москве, в Санкт-Петербурге, в Риге и Киеве. Пока хватит. Зато в каждом губернском городе должны быть школы для детей солдатских и сирот, где будут готовить как бы янычар русских. Окончившие их с отличием могут попасть в Шляхетский корпус и стать офицером. Кроме того, при каждом полку должны быть сержантские школы, где грамотных и смелых солдат будут учить и после производить в унтер-офицеры. Последним заведением будет академия Генерального штаба, туда будут попадать на учёбу полковники и майоры, особо отличившиеся в сражении, и, главное, не храбростью, а хитростью и разумностью. Генералом в дальнейшем не сможет стать офицер эту академию не закончивший.

– А как же Государь или Государыня... сейчас, и она не имеет права. Вы, вон, Ваше Высокопревосходительство? – хитро сощурился Андрей Иванович.

– Государь имеет, нужно таких умников, как вы и я чинами одаривать. Но это исключение, вы же не полезете армией руководить. И я не полезу. Пусть специально обученные люди этим занимаются.

– Согласен.

– Последний департамент остался. Именно из-за него, можно сказать, я и вломился в ваш дом, Андрей Иванович. Это – департамент Специальных операций.

МинихБурхард Кристоф

Событие двенадцатое

Задача – сделать человека счастливым – не входила в план сотворения мира.

Зигмунд Фрейд

Остерман ломанулся на стук, впустил в комнату выстуженную жену и принял у неё поднос очередной с чашечками кофе. Красивые – настоящий фарфор. Севрской мануфактуры должно быть. Стоп. Нет. Её ещё не построили французы. Брехт же разбирался с нею, будучи в теле князя Витгенштейна. Тогда откуда фарфор? Мейсен, конечно. Это Саксония. Откуда-то оттуда и Остерман. Хотя мог просто купить. Брехт приподнял свою чашечку, ища клеймо снизу. Скращенных мечей не было, но может быть они просто ещё не стали клеймом этой мануфактуры. И французы ещё не украли секрет у немцев, лет через десять только у них появится фарфор. Брехт, кстати, его – этот секрет, отлично знал. И на этот счёт нужно подумать. Всего-то и проблем, что к полевому шпату и кварцу следует добавить белую глину, залежи которой имеются близ Дрездена. Глину уже добывают, вон её следы в изголовье кровати Остермана, где валяется на атаманке его парик. Размолотой в порошок этой глиной сейчас пудрят парики в Дрездене, Париже и тут в Москве. Через год будут пудрить и в Санкт-Петербурге. Или не будут. Вот, где надо попрогресорствовать.

– Что там? – поднял и свою чашку Андрей Иванович.

– Клеймо смотрю. «AR» («Augustus Rex»). Ага, как раз кстати. На департаменте специальных операций остановились. Рассказываю, что это такое, – Иван Яковлевич отхлебнул глоточек. Гадость. Не так чтобы совсем-совсем гадость. Невкусно просто, аромата почти нет и мёд, что ли, добавили, привкус странный. Научить придётся, а то будут каждый раз бурдою потчевать.

– Слушаю внимательно, – с улыбкою покровительственно кивнул Остерман.

Охренел! Ну, поправим. Расскажем товарищу, чьи в лесу шишки.

– Департамент будет готовить бойцов специальных, которые спецназом будут называться. Спецназ. Специального назначения. Люди эти будут проводить тайные операции. Например, когда нужно кого-нибудь устранить. Врага тайного. Ну, например, задумал граф Остерман пакость какую супротив Бирона или Государыни, и сообщники у него есть, тот же граф Миних, например. Так Бирон отдаёт указание своим спецназовцам, и они тайно проникают в это имение и убивают тихим способом, которому их предварительно обучат, слуг все. Ножом вырезают или из лука стрелами. Ночью всё это. Или рано утром, когда спят ещё все. Потом проникают в дом, режут и здесь всех слуг и скручивают хозяев. Вырезают им языки, чтобы не орали и начинают куски от тела отрезать. Пока не умрёт граф Остерман от боли. Отрезают затем голову его и тело на куски рубят. И из головы и кусков этих на полу, вот здесь, выкладывают слово «Иуда». Так же поступают и с чадами и домочадцами. Что с вами, Андрей Иванович? –

у вице-канцлера глаза стали закатываться, – Нехорошо вам? Впечатлительный вы человек. На такой должности нельзя быть таким впечатлительным. Закалять нужно силу воли. Ни один мускул на лице ваших мыслей не должен выдать ваши эмоции при разговоре с дипломатами других стран. Получше? – Брехт похлопал Остермана по щекам.

– М...м...м...

– Понятно, получше. Это всё вино. Вино свинцовое. Не пейте его больше. Это – пример просто. Вы же, Андрей Иванович, не будете злоумышлять против Государыни матушки и её фаворита? Зачем это вам? Вы будете верным слугой и другом. И ничего этого с вами не случится. А наоборот – всё это случится с вашими врагами. Или с моими. О которых вы знаете, а я нет. Вы же, Ваше Сиятельство, поделитесь информацией с лучшим другом и заместителем вашим.

– М... м... и...

– Так я и думал. Ага, а мне, знаете, сейчас какая мысль пришла, Андрей Иванович, а не умыкнуть ли в Саксонии несколько мастеров, что сии чашки делают. Я их, мастеров этих, вам передам уже готовыми к сотрудничеству, а вы мануфактуру фарфоровую наладите. Есть ведь капиталец, чтобы начать чудные вещи и, заметьте, очень дорогие, начать производить.

– И... я... они...

– Договорились, значит, первым заданием департамента Специальных операций будет уничтожение Саксонской фарфоровой мануфактуры и доставка сюда нескольких специалистов. А заодно уничтожением и всех оставшихся мастеров. Станем единственными носителями секрета драгоценного.

– А так... Они...

– Они враги и конкуренты. Вы же за сильную богатую Россию? Ну, вот её и будем вместе делать.

– Ик.

– Конечно. Специальные операции на то и специальные. Никто не узнает. Пожар на мануфактуре. При работе с такими температурами не редкость. А двери закрыл кто-то. Или обвалилось чего и заклинило дверь. Беда. Столько народу живьём сгорело. Жалко.

– Это – чудовищно!

– Это – борьба со злом.

– Так нельзя.

– Андрей Иванович, у нас ведь нет дипломатических отношений с Англией. Ещё Пётр Великий их разорвал. Тогда почему у нас при дворе всякие англичане спокойно находятся и шпионские депеши в Лондон строчат. В Москву, насколько я успел узнать, вместе с британским консулом Томасом Уордом прибыл его секретарь Клавдий Рондо. Оба шпионят на Англию за императрицей, и за вами в том числе. И за мной теперь будут. Супруга Клавдия Рондо – Джейн чуть не в первый день нашего с женой пребывания сюда к ней в гости привалила. Узнала, что Бенинга любит вышивать и прискакала с десятком собственноручных вышивок в подарок. Моя и поддалась на подарки, чай с ней уже третий день распивают, и наши с вами косточки перемывают. Не кажется ли вам, что будет справедливо, если всё английское посольство, которого тут просто не может существовать, отравится угарным газом в ближайшее время. Не вовремя выюшку закрыли. Бывает.

– Это – ужасно!

– Есть другое предложение, как их устранить? Зарезать и слово из кусков какое выложить? «Шпион», например?

– Но Россия страдает от отсутствия торговли с Англией.

– Ваша правда. Это нужно немедленно исправить. Нужно после смерти консула, срочно отправить нашего посла в Лондон и заключить торговый договор на выгодных нам условиях. Согласны, что там это сделать проще? Вот.

– Вы страшный человек, Ваше Высокопревосходительство. – Синими губами прошептал Остерман.

– Советую вам этого, дорогой Андрей Иванович, не забывать. К сожалению, пока департамента такого нет. Можете мне устроить встречу с Томасом Уордом. Хочу пока его подоить. Ну, пока люди будут нужные подыскиваться и готовиться.

– Подоить?

– Ну, Андрей Иванович, Андрей Иванович. Я прикинусь продажным фаворитом, и для заключения выгодного для Англии торгового договора потребую, как рьяный мздоимец, взятку. Подношение. Подарок. Потом ещё, типа – мало. А потом они угорят. Бедняги. Жалко-то как. А ведь почти заключили невыгодный России договор, продавали бы, как и раньше за бесценок пеньку. Лес, древесину, пшеничку. Нет. При мне и при вас, надеюсь, такого не будет. Будет честная взаимовыгодная торговля. Мериносов, например у них за пеньку потребовать. Лошадей рыцарских. Мастеров с судоверфей. Мастеров с мануфактур по деревообработке.

– Запрещено у них мериносами торговать.

– А у нас запрещено пенькой, парусиной и лесом с воском торговать. Самим нужны. И крестьянские дети у нас недоедают, а мы им пшеничку продаём. А департамент Специальных операций тайно высадит десант в Шотландии, вырежет пару деревень и привезёт всех этих мериносов бесплатно.

– Ик!

– И мне эта идея тоже нравится. Да. Никаких торговых договоров, пока Англия не признает Россию империей, как и требовал Пётр Великий. Это мой вам бесплатный совет. Вы же знаете, что моим советам лучше следовать. С Англией же можно торговать всеми нашими товарами и опосредовано. Нанять несколько десятков, скажем, голландских капитанов с судами и торговать через них с Англией. Думаю, так будет даже выгодней. И заодно договор заключить с этими капитанами, чтобы треть экипажа была нашей. Пусть учатся.

– Это пиратство какое-то.

– Ну, и что? Им можно, а нам нет?! Вы же слышали про Френсиса Дрейка? После кругосветного плавания, когда он разграбил в Тихом океане кучу испанских судов королева Англии Елизавета I возвела пирата Дрейка в рыцарское достоинство. И не где-то, а прямо на борту его пиратского флагмана – «Золотой лани». А потом этот пират назначен мэром Плимута. Правда, надо отдать должное этому человеку. Пусть пират, но умный и удачливый. В качестве вице-адмирала товарищ Дрейк был заместителем командующего английским флотом в победоносной битве против Непобедимой армады в 1588 году. И в этой победе его вклад неоспорим. Так вот, им пиратов в рыцари посвящать можно, а нам пиратствовать нельзя? Почему? Они же себя джентельменами считают. Они там все лорды! Мать их.

– А как же бог? Нельзя...

– Можно, для величия и благополучия России можно всё.

– Государи...

– Стоп. Государи – это интересно. Фердинанд – герцог Курляндии и Семигалии в своём Данциге зажился. Ему. Если мне память не изменяет, очень и очень много лет. Под восемьдесят. Пора ему встретиться с ключником Петром. Хотя, нет, это такая сволочь, он же с Россией на стороне Швеции воевал. Нужно воздать ему за это. Бог потом воздаст – это понятно, в ад определит, но и нам не надо сидеть сложа руки. Вот ещё одно срочное дело для департамента Специальных операций. Вы же поддержите мою кандидатуру на престол Герцогский? Курляндский? А я после преподнесу эту корону Анхен. С земелькой очень в хорошем месте расположенной.

Глава 6

Событие тринадцатое

Наркотики – это прекрасное средство забыть о маленьких житейских проблемах, превратив свою жизнь в одну большую.

Всё одно обед проболтал. Брехт по привычке глянул на руку, но часов там не было. Да! Нужно и об этом подумать, уже ведь делают, наверное, карманные где-нибудь в Швейцарии. Вот ещё одна задача для департамента Специальных операций, если не удастся заманить мастеров с помощью обычных денег.

Время явно за полдень, так что обед он пропустил, а до ужина есть ещё время. Иван Яковлевич увидел в окно, что карета скоро въедет на Красную площадь и постучал в спинку, приказывая кучеру остановиться. Пришла же хорошая идея ему в голове у Остермана – сходить на рынок и посмотреть, чем торгуют травники и ведьмы всякие. Вдруг чего интересного увидит или узнает.

Базар или рынок, или торговые ряды находятся сейчас там, где в будущем ГУМ выстроят. Ряды длинные и разные. Есть в виде крытых навесами лавок, есть сараюшки с оконцами, есть настоящие деревянные или кирпичные лавки, а есть и просто на земле разложенный товар. Есть чуть в сторонке и всякие свиные ряды, где живность продают. Оттуда несется ржание, визги ощупываемых видимо свиней, гогот гусей, бляенье коз и оттуда же несёт запахом мочи и навоза. Навоз на Красной площади – это правильно.

К Бирону сразу бросился Иван Салтыков с Преображенцами.

– Давайте, по рынку пройдемся или лучше сначала покажите мне, где ряды с лекарственными травами?

– Так, Ваше Высокопревосходительство, – молодой поручик, поправил треуголку и махнул рукой вправо, – долгонько идти, в самом конце торгуют, рядом с дровами и сеном.

– Ничего. До ужина успеем. Веди.

Получилось и действительно – долгонько. Минут десять протискивались через толпу, так если бы не солдаты и Салтыков, то в некоторых местах и протиснуться было бы не просто. Стеной народ стоял. Особенно на пяточке, где скоморохи выступали.

А у знахарок этих почти не было людей. Ходили женщины, в основном, и копались в мешочках. Зато около одной тётки стояли явно иностранцы в коротеньких своих штанишках, в париках белых и сюртучках с кружавчатыми воротничками. Вроде одного видел Брехт в Кремле вчера. Лейб-медик, наверное. Подошли к ним поближе. Точно, пересыпая немецкую речь с исковерканной русской торговались, называя всякие экзотические бадьяны и кровохлёбки – корёвахъёпка.

Брехт, чтобы не светиться, от них отошёл и подошёл к дородной женщине в мужской кафтан линиялый, чуть маловатый ей, одетой.

– А скажи, красавица, есть у тебя корень шиповника?

– Настойку делать, Ваше благородие? – нагнулась тётка и вытащила из домотканого материала мешочек из-под прилавка.

– Заваривать. От почечной колики.

– А! – знахарка кивнула, и в руке взвесив мешочек, назвала цену, – Пятак.

За время путешествия Брехт, выходя из кареты обнаружил, что у него на кафтане нет карманов. Чтобы жена не скучала в дороге попросил её пришить аккуратно внутренний. Таскать с собой прицепленный на пояс кошель не хотелось. Дикое средневековье какое-то. Да ещё

воришки всякие срежут. Он сейчас расстегнул пуговицу и достал серебряный рубль. С мордочкой Катерины первой.

– Ох, ти, а поменьше нет, Вашество?

Брехт был в своём, ещё гражданском, наряде, не успел генеральский мундир сшить. Солдаты хотели было тётке тумачков отвесить, чтобы знала, как к генералам и обер-камергерам обращаться, но Иван Яковлевич их удержал. Ну, заголосит тётка и в ноги бухнется, толпа вокруг них соберётся, какая с того радость?!

– Нет, мельче. – Как-то и не подумал Иван Яковлевич, что рубль – это большие деньги. Даже очень большие.

– Что ж, делать? – заозиралась тётка.

– Так дай на все.

– Шутите, Вашество, откель столько?

– А есть у тебя дорогие травы, заморские там или редкие?

– Грибочки есть...

– Грибочки?

– Ну, чтобы боль унять... – потупилась женщина.

Ну, конечно! Матрёна тоже собирала галлюциногенные грибы. Не мухоморы. Синюшками их ведьма называла. Брехт даже название знал. Вспомнил из будущего, как-то услышал по ящику, что наркоманы переходят на грибы и поискал в интернете. Грибок немного похожий на опёнок, такими же семейками растущий, и с такой же длинной тонкой ножкой, с коричневой шляпкой, назывался Псилоцибе синеющая. Называется так поганка эта, потому что ножка его – беловатая или серая, при надавливании окрашивается в голубой цвет.

Брехт треуголку снял и голову почесал. А чего?! Интересный товар. Вполне пригодится, для разговора с английским консулом, например. Время действия после приёма минут десять, если Ивану Яковлевичу память не изменяет. Работает как гормон счастья серотонин, вызывает эйфорию. В таком состоянии консул может чего интересного наболтать.

– Сколько нужно добавлять в чай? – Вот этого Брехт не помнил. Ещё отравит шпиона прямо в Кремле.

– Крохотную фитюльку, на пальчике, – знахарка показала пару миллиметров между двумя пальцами с чёрными ногтями.

– Заверни. Все возьму. Стоп, а от простуды и головной боли есть что. Кора там ивовая?

– Есть, как не быть, и сбор специальный и кора отдельно, – обрадовалась тётка.

– И то и другое положи, ну, чтобы на рубль набралось.

– Ох, спасибо, Вашество, а то целый день стою и ни одного покупателя, уже уходить собралась.

– А дома корни шиповника есть?

– Есть немного, ещё три таких мешочка.

– Завтра принеси и грибов ещё, и ивы. Ещё на рубль. Вот этот офицер придёт к обеду и расплатится, – передавая мешочки Ивану Салтыкову, кивнул на него головой Иван Яковлевич, представляя знахарке.

Событие четырнадцатое

Счастье – это иметь большую, любящую, заботливую, дружную семью... в другом городе.
Джордж Бернс, актер

Всё врут календари. Ай, хорошо-хорошо, привирают. Они же не специально. Даже поговорка шуточная по этому поводу придумана. Россия, мол – страна с непредсказуемой историей. А чего, так и есть. Почти все правители приходили, свергая предыдущих. Только в самом конце стали почти мирно власть цари передавать. А потом опять. Хрущёв Сталина оболгал, Брежнев – Хрущёва. Нас же интересуют более ранешние времена. Елизавета Петровна пришла к власти вопреки воле Анны Иоанновны и свергнув Анну Леопольдовну и засадив в тюрьму годовалого ребёнка – Ивана Антоновича, вполне себе законного наследника престола. Прямо железная маска по-русски получилась – двадцать с лишним лет по тюрьмам. Ну, а раз пришла к власти в результате переворота «дщерь Петра Великого», то обязательно предшественницу и соперницу нужно оболгать, представить в максимально негативном свете. И чтобы угодить новой императрице все литераторы и историки дружно будут Анну Иоанновну обзывать уродиной.

И даже потом уже после смерти появились портреты, на которых Анну с выпученными глазами рисуют и обвисшими щеками. Три подбородка и мышинные косички. Уродиной, одним словом. Брехт портреты эти видел. И историков, которые Анхен обзывают уродиной мужеподобной, читал. Ехал две недели по грязи в Москву и всё встречи боялся. Ему же жить и спать с эдаким страшилищем. При этом из зеркала на него смотрел, если и не красавчик, то вполне себе благообразный мужчина сорока лет и орлиным, не портящим это лицо, носом. Такие женщинам точно нравятся. И высокий по нынешним меркам. Он себя в футах на постоялом дворе как-то измерил и потом в сантиметры перевёл. Получилось то ли 187, то ли 188 – на голову выше современников.

Боялся встречи. И когда увидел спешащую к нему на крыльцо Анну Иоанновну в Кремле, то прямо отпустило. И так, календари привирают. Говорят, что императрица была 182 (метр восемьдесят два). И точно. Анхен лишь чуть ниже Бирона. А с учётом туфель пусть с небольшим, но каблуком, так просто по сравнению с остальными аборигенами великанша. Тут календари не соврали. Толстой обзывают, да, не Елена Исинбаева, не жердь. В теле женщина. При таком росте девяносто, примерно, кило. Так сейчас у дворян – это норма. Если девица худая, то её и замуж могут не взять. Болеет, наверное, чем. Зачем этот суповой набор нужен. А вот двойного и уж, тем более, тройного подбородка точно нет. Волосы, написано у историков, тёмные. Соврали календари. Волосы интересного цвета. Говорят, что у индейцев в Америке волосы цвета воронова крыла, то есть антрацитово-чёрные и с синим отливом. Вот такая роскошная грива волос и была у Анны Иоанновны. Любая модель её волосам позавидует. Что ещё? Ах, да – глаза. Светлые, типа. Светлые. Они ярко-голубые. В сочетании с чёрными волосами эффект неотразимый. Они ажнать светятся на лице. Есть клип Артура Пирожкова, и там много раз показывают глаза Орнеллы Мути. Вот такие глаза были у Анны Иоанновны.

А вот про лицо не соврали. Оно чуть рябое. Следы оспы видны. Так сейчас у половины мужчин и женщин лицо рябое. Оспа бич этого времени. У половины населения планеты лица рябые, а у второй нет лиц. Они покойники, сгнили лица под землёй. Черви съели. Примерно половина народа от оспы погибает, а вторая становится рябой. Эпидемии этой болезни не волнами идут, как чума или холера. Нет, тут интересней. Оспа есть всегда, чуть затухает, но люди болеет и умирают, а потом ни с того ни с сего, видимо как-то мутируют возбудители и опять вспышка с тысячами смертей и чуть не поголовной болезнью тех, кто ещё не переболел. Читал Брехт про вирусы оспы. Там их два, и они прикольно называются из-за чего и запомнилось название. Первый по некоторым данным смертелен процентов на 30, а по другим – почти на 90 процентов смертельный, и называется Вариола майор, второй почти безобидный, так, смертность всего до 3 процентов – Вариола минор. Нужно будет отправить экспедицию врачей в Европу, там же раньше начали делать прививку, от оспы, может уже делают. Кажется, в Англии начали? В России начнёт прививать лет через сорок Екатерина. Явно тут можно попрогрессорствовать.

У Анны Иоанновны на щеках есть следы оспы и она, стесняясь их, обильно лицо штукатурит. Брехт себе поставил очередную зарубку в памяти, читал же, что белила сейчас на основе оксида свинца сделаны. Даже не так, там куча всякой не очень полезной гадости. Лица представительницы прекрасного пола отбеливают с помощью солей свинца – ядовитыми свинцовыми белилами. Румяна у богатых дам содержат ртуть. Пигментные пятна удаляют медикусы цианистым калием. Сулема (хлорид ртути) – известнейший яд – используется для жидкости, которая делает кожу мягкой.

Если в Турции в качестве красящего компонента используют белую глину, смешанную с оливковым маслом и оксидом серы, тоже не сильно полезной, то в Европе до этого ещё не додумались, тут основной компонент белил – мука, для нанесения которой на тело применяется свиной или собачий жир. Недавно вошла в моду рисовая пудра. Мелкий рисовый крахмал плохо держится на коже, поэтому аптекари добавляют туда для вязкости соли свинца и висмута с мышьяком.

И это только пудра. А ведь это далеко не всё. После пудры или белил нужно нанести румяна. В составе румян сейчас парфюмеры и прочие химики с аптекарями активно используют киноварь (сульфид ртути). Взаимодействуя с потом, она делается очень бесполезной и даже опасной для здоровья. И это у богатых матрон. Для более дешёвых румян дорогую киноварь заменяют на свинцовый сурик.

А ещё красавицы современные, чтобы глаза были чёрными и выразительными, закапывали себе в эти глаза атропин (это препарат белладонны – серьёзный яд). Самое интересное, что и через триста лет его будут капать в глаза людям окулисты немного, чтобы исследовать глаза! У современных модниц в глазах всё расплывается, плохо видно окружающих, но – красота же!

Нужно будет попробовать Анхен уговорить не пользоваться всем этим и другим запретить. И начать следует с париков. Анна женщина прижимистая, подсчитать сколько денег дворянство тратит на парики, сколько армия, и она легко должна пойти на запрет этой хрени. Во Франции и Австрии уже выходить начинают из моды парики, нужно ещё и на тщеславии сыграть, типа а тут-то мы Европу опередили. Ещё в париках всякие вши и грибки, чистоплотная до умопомрачения Анна Иоанновна всю эту гадость на дух не переносит. Сто процентов, при правильной подаче, императрица запретит парики. Первыми в мире будем хоть в этом пока, а то ещё Суворов через семьдесят лет будет пословицы про пудру придумывать: «Пудра – не порох, букли – не пушки, коса – не тесак, я не немец, а природный русак!». А за париками нужно будет взяться за румяна с белилами – ввести в моду чистые с небольшим количеством косметики лица. Зная состав турецкой косметики – самой безобидной из всех, можно попытаться наладить её производство. Насколько Брехт помнил, рядом с Москвой есть речка Гжелка, где добывают белую глину для аптекарей и свистулек всяких, там же есть и оксид кобальта. С кобальтом можно чуть подождать, а вот белую глину срочно во дворец заказать. Оливковое масло у торговцев добыть можно, не проблема. Всё не свинцовые белили получатся.

В целом же Анна Иоанновна производила впечатление эдакой легкоатлетки, скажем, метанием ядра занимающейся. Высокая и мощная. Не писанная красавица, но и не уродина. Ну, себя всегда уговоришь.

Событие пятнадцатое

Бывают люди, которые поправляются от одного вида лекарств.

Мишель де Монтень

Ужинали тесным семейным кругом. Чем не семья? Сидит во главе стола Эрнст Иоганн Бирон, со вчерашнего дня – Иван Яковлевич. Он переговорил об этом с императрицей,

и Анхен, хоть и удивилась, но охотно пошла на это. И даже дальше пошла. Теперь называет его не Эрнстом, а Ваней. Ваней, так Ваней. Это его настоящее имя и к нему не надо привыкать.

По правую руку от Бирона сидит... как бы жена. У них с Анхен есть полуторогодовалый мальчик Карл Эрнст. Его за столом нет. Спит. Его детская кроватка стоит в спальне Анны Иоанновны. Народ шушукается, но напрямую вопросов не задаёт. Чудит «чудище» и ладно. Спальня Бирона расположена рядом со спальней царицы, и даже дверь есть их соединяющая.

По левую руку сидит настоящая жена. Бенигна Готтлиб спокойно ко всему этому относится. Во-первых, привыкла, а во-вторых, сразу знала, на что шла. Да и времена ноне куртуазные. Все имеют любовников и любовниц. Пётр, а за ним и Екатерина с Петром вторым много сделали, чтобы в России с этим делом было как в Европе. А наши и рады – догоним и перегоним. За матерью сидит сын старший – Пётр. Мальчику идёт седьмой год и он, подражая взрослым, даже пытается ножом отрезать от куска мяса маленький кусочек. Сзади стоит вечный слуга Бирона Карл Вегель и время от времени мальчику помогает справиться с ножом.

Ещё чуть дальше сидит трёхлетняя Гедвига Елизавета, она маленькой серебряной ложкойковыряет кашу, тоже сама, без помощи стоящих за её спиной двух нянек.

Идиллия. Гедвига крутит головой и прислушивается к разговору старших. А разговор просто судьбоносный для Российской империи.

– Что же Эрнст... Что же, Ваня, как здоровье вице-канцлера, что за недуг у Андрея Ивановича? – Императрицы отхлебнула красного вина. Брехт поморщился. Опять свинец. Просто бич какой-то.

– Подагра у гафа Остермана. Говорят медикусы, да и профессор нам лекцию в Кенигсбергском университете читал, говорил, что это от неправильного питания. Нельзя много мяса есть. А особенно, нельзя вместе с мясом есть хлеб. Рассказывал профессор, что при этом мясо в животе не переваривается, как следует, и откладываются камнями, солями в костях и почках. И тебе Анхен следует о том подумать, жаловалась же, что спина болит. Я по дороге заглянул на рынок и купил корни шиповника у знахарки. Если их заваривать и пить, то камни те растворяются. Я завтра их лейб-медику отдам и пусть он заваривает и тебе три раза в день по половине стакана приносит.

– Почему не выпить, если это медикусы советуют... и ты – любовь моя. А что же Андрей Иванович? Ему лекарственного отвара тоже нужно дать. – А чего добрая барыня о своих людях заботящая.

– Конечно, Анхен. Я со знахаркой договорился, она завтра ещё корешков шиповника привезёт, и Иван Салтыков купит у неё и отвезёт Остерману и рецепт расскажет. Думаю, вскоре поправится вице-канцлер.

– Дай-то бог, – императрица трижды перекрестилась.

– Анхен, мы с Андреем Ивановичем обсудили его прожект по созданию кабинета министров и чуть даже доработали. Пока вот на чём остановились. – И Брехт рассказал Анне Иоанновне почти весь разговор с Остерманом до момента создания департамента Специальных операций.

– Почему же он Премьер, а не ты, душа моя? – вскинулась сразу Государыня.

– Меня на всё не хватит. Мне бы с министерством Обороны справиться...

– Не хочешь? – поджала губы императрица.

– Так лучше будет, любовь моя. России нужна сильная армия, и больше, чем на её создание, у меня сил попросту не хватит.

– Ну, смотри, Эр... Ваня. Подготовьте с Андреем Ивановичем, как можно быстрее, ваш прожект. Посмотрю я его. Пора заняться делами.

Глава 7

Событие шестнадцатое

*Поэзия —
та же добыча радия.
В грамм добыча,
в год труды.
Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды.*

В. Маяковский

Остерман не утерпел, хоть бы для приличия «поболел» пару дней, но нет, прямо на следующий день выздоровел и с самого утра припёрся в Кремль. «Над проектом министерств работать».

Брехт же с утра решил, что пора над собой поработать, жирок лишний сбросить, и репу почесал. Здесь, в Кремле, если он бегать начнёт или на турнике сальты крутить с подъёмом переворотом, то добром это не кончится. В придурочные немцы запишут, а для министра Обороны и фаворита императрицы – это недопустимо. Должны там бояться или уважать, ненавидеть. Но уж никак не смеяться. Чесание репы привело к тому, что один вид спорта всё же нашёлся не смешной. И даже снаряды к нему нашлись. Это фехтование. И есть у преобразенцев в полку учебные шпаги тупые и с тупым наконечником. До шарика на конце ещё не додумались. Так его и присобачить на шпагу будет не просто. До резьбы пока тоже не додумались, да и не мудрено, как нарезать резьбу, если нет твёрдых сплавов. Вон сколько места для прогрессорства!

Иван Салтыков, вызванный Бироном пред светлые очи, сообщил, что господа офицеры в манеже тренируются.

– Не, рано пока, – Брехт ведь возможностей тела Бирона не знал. Но явно рыхловат и тяжеловат реципиент. Ещё опозорится перед офицерами. – Принеси комплект учебных шпаг, Ваня, с тобой проверю, на что способны лейб-гвардейцы.

Мастерство не пропьёшь. Князя Витгенштейна на совесть учили семь с лишним лет. Лучшие фехтовальщики страны были в учителях, да плюс до этого учил Иван Светлов. Тот правда не на шпагах, а на ножах, но кое-какие приёмы общие. Потому за пять минут, ещё толком и не вспотев, господин Бирон раз десять заколол поручика Салтыкова, сам же только раз напоролся, да и то в реальном бою было бы ранение ноги. Тоже опасно, ещё какую большую вену или артерию проколет клинок, бедренную или подвздошную. Иван Салтыков словил когнитивный диссонанс. Он видел толстячка сорокалетнего, хоть и высокого, про которого знал, что он был секретарём у герцогини Курляндской, а потом управляющим имением, а здесь его – одного из лучших фехтовальщиков полка, как щенка уделали, словно он в первый раз в жизни шпагу в руки взял.

– Ваше Высокопревосходительство, кто же были вашими учителями? – сразу пристал поручик, как только Брехт предложил взять другие шпаги, более тяжёлые. Воспользовался перерывом. – На итальянскую школу похоже, но не она, и не французская.

Ну да, в основном проходили приёмы из китайского у-шу.

– Это меня... в Кенигсберге, когда студией был один моряк обучил. – Чуть не сболтнул про Китай.

– А меня научите? – и глазами сверкает. Фанатик?

– Почему нет, вставай, отдохнули...

– Иван Яковлевич! – Брехт и не заметил, как к ним граф Остерман подобрался.

– Доброго утра, Андрей Иванович. Выздоровели? К Государыне? – Брехт надеялся, что сейчас вице-канцлер скажет «вестимо», да и продолжат они жирок сгонять, но не тут-то бы.

– К вам я, Иван Яковлевич. Предложения у меня есть по нашему проекту, и вас бы хотел послушать. Думаю, не гоже тянуть с созданием Кабинета министров.

– Нда, не гоже. Всё, Ваня, дела. Как освобожусь, тебя кликну и продолжим. Да, ты за это время потяжелее шпагу мне найди. Тренироваться нужно на оружии тяжёлом, тогда и с лёгкой шпагой будет проще управляться.

В кабинет, что ему выделила недалеко от своих покоев Анхен, Брехт гостя не повёл. Там куча народу шастает и многие иностранцы, а тут такой серьёзный разговор. Рядом с церковью Ризоположения росло несколько лип и под ними скамейка стояла, Иван Яковлевич ещё вчера это место приметил, самое то для тайных бесед. Местность открытая кругом – подслушатель не подберётся, а липы и высокая спинка скамейки от ветра защитят. Прохладненько сегодня, хоть и не облачка на небе. Так самое начало мая. И тут не Дербент. В церковь Брехт вчера зашёл и ужаснулся состоянием. Потом пожаловался Анне, та вызвала вечером какого-то монаха или игумена, чёрт их разберёт и тот выдал следующее, и спокойно так, словно это не его вина.

– Уже к 1722 году, когда я в Кремль перебрался, церковь обветшала, сквозь крышу текла вода – к этому же году от сырости стали осыпаться фрески. Средств не выделяли ни на починку, ни на дрова для отопления храма.

– А ты чем занимался? – скрипнул Брехт зубами.

– Так хозяйством церковным занимается по указу царя Петра церковный староста, выбираемый из мирян. – Вона чё? Нашёлся крайний.

– Анхен, просьба у меня к тебе. Чтобы другим было не повадно гробить имущество в стране, вели высечь этого старосту, кем бы он ни был, прямо около церкви. Потом конфискуй у него всё имущество и деньги вели на ремонт церкви все отдать, а самого нужно водить по Москве, бить легонько кнутом и заставлять кричать: «Я деньги воровал у храма». Три дня водить, а потом в Сибирь сошли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.